

ЗАХВАТЫВАЮЩЕ И ОСЛЕПИТЕЛЬНО!

PEOPLE

МАЙКЛ КОННЕЛЛИ

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ 74 000 000 КНИГ МАЙКЛА КОННЕЛЛИ

БЛОНДИНКА В БЕТОНЕ

РАССЛЕДУЕТ ГАРРИ БОСХ

Майкл Коннелли
Блондинка в бетоне
Серия «Гарри Босх», книга 3
Серия «Звезды мирового детектива»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182358

Блондинка в бетоне: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; СПб.; 2020

ISBN 978-5-389-17590-7

Аннотация

Детектив полиции Лос-Анджелеса Гарри Босх идет по следу Кукольника – серийного убийцы, который раскрашивает косметикой лица своих жертв. В момент задержания Босху не удастся сохранить хладнокровие и он спускает курок. За нарушение процедуры Гарри переводят из элитного подразделения полиции в обычный участок, а вдова убитого подает на него в суд. И вот во время судебного разбирательства в дежурную часть полицейского участка подбрасывают адресованную Босху записку... от Кукольника. С указанием, как найти тело очередной жертвы. И тело действительно находят – замурованное в бетон, с сохранившимся «автографом» убийцы... Босх застрелил невиновного? У Кукольника нашелся подражатель? А может, кто-то из своих пытается подставить Гарри, чтобы окончательно погубить его карьеру? Так или иначе,

опасный маньяк разгуливает на свободе, он уверен в собственной неуязвимости и уже наметил следующую жертву...

Содержание

Глава 1	12
Глава 2	26
Глава 3	46
Глава 4	62
Глава 5	77
Глава 6	101
Глава 7	123
Глава 8	142
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Майкл Коннелли

Блондинка в бетоне

*Посвящается Сьюзен, Полу и Джейми, Бобу и
Марлен, Эллен, Джейн и Дэмиену*

Michael Connelly
THE CONCRETE BLOND

Copyright © 1994 by Michael Connelly
All rights reserved

© С. Б. Певчев, перевод, 2006

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Окна дома были пусты, словно глаза мертвеца. Классический калифорнийский дом: с верандой по фасаду и двумя слуховыми окнами на скате крыши. Из-за стекол нигде не пробивался свет, – наоборот, в доме царила зловещая тьма, сквозь которую не проникал даже свет уличных фонарей. На крыльце вполне мог кто-нибудь стоять, но Босх был не в со-

стоянии что-либо рассмотреть.

– Ты уверена, что это здесь? – спросил он.

– Это не в доме, – ответила женщина. – Это позади него, в гараже. Проезжайте вперед, и с дорожки вы его увидите.

Босх тронул педаль газа; его «каприс» двинулся вперед и оказался прямо напротив дома.

– Вот, – сказала она.

Босх остановил машину. За домом действительно стоял гараж, над которым располагалось жилое помещение. Деревянная лестница, над входом в квартиру горит свет. Два освещенных изнутри окна.

– Ладно, – произнес Босх.

Несколько мгновений они молча смотрели на гараж. Босх и сам не знал, что именно он ожидал увидеть. Очевидно, ничего. От шлюхи так разило духами, что он опустил стекло. Можно ли доверять ее заявлению, он не знал. Единственное, что он знал точно, – что не может сейчас вызвать подмогу. Ровер – переносную рацию – он с собой не взял, а в машине не было телефона.

– И что же вы собираетесь... вот он! – неожиданно вскрикнула она.

Босх действительно заметил, как за окном поменьше промелькнула тень. «Наверное, там ванная», – подумал он.

– Он в ванной, – промолвила она. – Именно там я это и увидела.

Босх отвернулся от окна:

– Что «это»?

– Я... проверила шкафчик. Когда там была. Решила посмотреть, что у него есть. Знаете, таким девушкам, как я, надо быть очень осторожными. Ну вот, я и заметила у него косметику – ну там, тушь для ресниц, губную помаду, пудру и все такое. Вот тогда я и поняла, что это он. Всем этим он их раскрашивал – ну, после того, как убьет.

– А почему ты не сообщила мне об этом, когда звонила?

– А вы не спрашивали.

Фигура мелькнула за занавесками уже в другом окне. Мозг Босха лихорадочно работал, сердце сильно колотилось.

– И сколько времени прошло с той минуты, как ты отсюда сбежала?

– А черт его знает. Я шла по Франклину, потом поехала на Бульвар с одним клиентом, чтобы перепихнуться с ним в машине. С ним я была минут десять. Так что не знаю.

– Подумай. Это важно.

– Не знаю. Наверное, больше часа.

«Черт, – подумал Босх. – Вместо того чтобы сразу позвонить в спецгруппу, она сначала обслужила клиента! А ведь в ее голосе звучало искреннее беспокойство. Сейчас сюда направлялось бы подкрепление, а я просто сидел бы и вел наблюдение».

Проехав дальше по улице, он нашел место для стоянки возле пожарного крана. Двигатель он выключил, но ключи оставил в замке, а сам выскочил из машины.

– Слушай, сейчас я пройду туда, – заявил он, просунув голову в открытое окно. – Ты останешься здесь. Если через десять минут я не вернусь или если ты услышишь выстрелы, сразу стучи во все двери и зови сюда копов. Скажешь им, что полицейский нуждается в помощи. На приборной доске есть часы. Десять минут.

– Десять так десять, красавчик. Теперь ты станешь героем. А я получу вознаграждение.

Быстро пройдя по подъездной дорожке, Босх вытащил из кобуры пистолет. Ступеньки были старыми и скрипучими. Босх перепрыгивал сразу через три и двигался как можно тише, но все равно ему казалось, что он оповещает весь мир о своем приближении. Добравшись до верха, он пистолетом разбил лампочку; затем, откинувшись на перила площадки, поднял левую ногу и, перенеся на нее весь свой вес, ударил в дверь чуть повыше дверной ручки.

Дверь с треском распахнулась. Пригнувшись и приняв стандартную боевую стойку, Босх переступил через порог и тут же увидел на другой стороне комнаты, за кроватью, какого-то мужчину – голого и лысого. Даже не просто лысого, а полностью лишенного волос. В глазах мужчины мгновенно появился страх.

– Полиция! – резко крикнул Босх. – Не двигаться!

Мужчина застыл на месте, но уже через мгновение его правая рука полезла под подушку. Босх не верил своим глазам – какого черта он это делает? Время замедлило ход; раз-

лившийся по жилам адреналин придал зрелищу четкость замедленной съемки. Босх понимал, что мужчина лезет под подушку или для того, чтобы чем-нибудь прикрыться, или...

– Не делай этого!

Мужчина по-прежнему не сводил глаз с Босха, и тот вдруг понял, что в них больше нет страха. Теперь в их выражении появилось что-то другое. Гнев? Ненависть? Рука мужчины начала доставать что-то из-под подушки.

– Нет!

Держа пистолет двумя руками, Босх выстрелил, ствол оружия дернулся вверх. Голого мужчину отбросило назад и вверх. Ударившись о стену, обшитую деревянными панелями, он снова подался вперед, рухнул на кровать и задергался. Босх подбежал к кровати.

Левая рука мужчины снова полезла под подушку. Босх коленом пригвоздил его к кровати, снял с пояса наручники и сковал сначала левую, затем правую руку. Голый мужчина мычал и стонал:

– Я не могу... я не могу... – и, не договорив, тут же закашлялся кровью.

– Ты должен был сделать так, как я сказал, – заявил Босх. – Говорил тебе: не двигаться!

«Ну давай, умирай, – подумал Босх. – Так будет лучше для всех нас».

Обойдя постель, он поднял подушку, несколько мгновений смотрел на то, что лежало под ней, затем уронил ее на

место. И на секунду прикрыл глаза.

– Черт побери! – крикнул он, обращаясь к затылку голого мужчины. – Что же ты наделал? Я навел на тебя эту гребаную пушку, а ты стал тянуться – я же говорил тебе: не двигаться!

Босх обошел вокруг кровати и встал так, чтобы видеть лицо мужчины. Из его рта на испачканную белую простыню капала кровь. Босх знал, что его пуля прошла через легкие. Голый мужчина теперь превратился в умирающего.

– Ты не должен был умереть, – произнес Босх.

Но мужчина все-таки умер.

Босх огляделся по сторонам. В помещении больше никого не было. Проститутка наверняка сбежала – в этом он не сомневался. Он прошел в ванную и открыл находившийся под раковиной шкафчик. Как и говорила проститутка, косметика была на месте. Босх узнал известные торговые марки: «Макс фактор», «Лореаль», «Ревлон», «Кавер герл». Все как будто сходилось.

Он обернулся к лежавшему на кровати трупу. В воздухе еще витал запах пороха. Босх закурил. В комнате стояла такая тишина, что было слышно, как потрескивает табак.

Телефона в квартире не было. Сидя на крошечной кухне, Босх терпеливо ждал. Сердце его учащенно билось, голова кружилась. К лежавшему на кровати мужчине он не испытывал никаких чувств – ни вины, ни жалости. Абсолютно ничего.

Вместо этого он попытался сосредоточиться на звуке си-

рены, которая звучала в отдалении и постепенно приближалась. Вскоре он сообразил, что сирена не одна. Их много.

Глава 1

В коридорах здания федерального окружного суда, расположенного в центре Лос-Анджелеса, совсем нет скамеек. Присесть тут негде. Если кто-то попытается усесться прямо на мраморный пол, его поднимет первый же судебный пристав. А судебные приставы все время расхаживают по коридорам.

Подобный недостаток гостеприимства объясняется тем, что федеральное правительство не желает, чтобы кто-нибудь подумал, будто правосудие осуществляется здесь медленно или не осуществляется вообще. Оно не хочет, чтобы народ толпился в коридорах, напряженно ожидая, когда объявят слушание дела. Достаточно и того, что происходит на другой стороне Спринг-стрит – в уголовном суде округа. Каждый день скамейки на всех этажах буквально забиты посетителями. В основном это женщины и дети, чьи мужья, отцы или любовники оказались в заключении. Как правило, они чернокожие или цветные. Все это очень похоже на переполненные спасательные шлюпки, пассажиры которых, стиснутые как сельди в бочке, носятся по волнам, ожидая, когда их наконец спасут. Судебные выскочки так и называют их – «люди в лодках».

Размышляя об этом, Гарри Босх стоял с сигаретой в зубах на ступеньках федерального суда. Это ведь еще не все – в

здании нельзя курить, так что во время перерывов в судебных заседаниях ему приходилось спускаться на лифте и выходить наружу. Там стояла заполненная песком урна – как раз за статуей женщины с повязкой на глазах, державшей в руках весы. Босх никак не мог запомнить, как ее зовут. Вроде бы это богиня Правосудия – кажется, греческая, – но уверен он не был. Развернув сложенную газету, Босх перечитал интересовавшую его статью.

Раньше он читал по утрам только спортивный раздел, уделяя особое внимание последним страницам – со статистикой. Эти колонки с их числами и процентами вносили в его душу успокоение. Они были точными и ясными, олицетворяя собой полный и абсолютный порядок в этом беспорядочном мире. Зная, кто в «Доджерс» забил больше всего голов, Босх ощущал свою связь с городом и с его жизнью.

Но сегодня спортивный раздел газеты «Лос-Анджелес таймс» так и остался лежать у него в портфеле, стоявшем сейчас в зале заседаний. В данный момент в руках Босха находился раздел «В городе». Он тщательно сложил газету вчетверо – так, как делают водители на шоссе, чтобы можно было читать за рулем; статья о суде находилась в нижнем углу первой страницы раздела. Вновь перечитав ее, он снова почувствовал, как его лицо краснеет, – речь в статье шла о нем самом.

НАЧИНАЕТСЯ СУД ПО ДЕЛУ О ПАРИКЕ

Сегодня в Лос-Анджелесе начинается слушание необычного гражданского дела, по которому один из полицейских детективов обвиняется в превышении власти: четыре года назад он убил подозреваемого в совершении серийных убийств, который, по его мнению, пытался достать оружие. На самом деле предполагаемый убийца пытался достать свой парик.

Иск сорокатрехлетнему полицейскому детективу Гарри Босху предъявлен в федеральном окружном суде вдовой Нормана Чёрча. Именно этого работника авиакосмической промышленности застрелил Босх в разгар расследования так называемого дела Кукольника.

Более чем за год до инцидента полиция начала разыскивать серийного убийцу, названного так журналистами за то, что он накладывал косметику на лица одиннадцати своих жертв. Охота за этим преступником широко освещалась в прессе. Отличительным признаком этого дела было то, что убийца отправлял Босху и «Таймс» свои записки и даже целые поэмы.

После убийства Чёрча полиция объявила, что располагает неопровержимыми доказательствами того, что этот инженер-механик и был убийцей.

Босха отстранили от службы, а потом перевели

из специальной группы по расследованию убийств, входящей в состав отдела по расследованию ограблений и убийств Управления полиции Лос-Анджелеса, в бригаду по расследованию убийств Голливудского участка. Это понижение по службе, как объяснили в полиции, было связано с тем, что Босх нарушил некоторые обязательные требования – в частности, не вызвал подкрепление в квартиру в районе Сильвер-Лейк, где и произошел фатальный инцидент.

Тем не менее руководство полиции считает убийство Чёрча «хорошим» – на жаргоне управления полиции это значит, что его нельзя отнести к числу неоправданных.

Поскольку смерть Чёрча исключила проведение суда, большая часть собранных полицией доказательств никогда не была представлена публично и под присягой. С проведением слушаний в федеральном суде это, возможно, изменится. Ожидается, что длившийся неделю процесс отбора присяжных завершится сегодня, после чего последуют вступительные речи сторон.

Джоэл Бреммер, обозреватель «Таймс»

Для того чтобы закончить чтение статьи, Босху пришлось развернуть и снова свернуть газету. Внимание сразу же привлекло его собственное фото, красовавшееся на внутренней странице. Оно было старым и весьма походило на фотографию арестованного преступника. Собственно говоря, это был тот же самый снимок, что и на полицейском удостоверении. Фотография возмутила Босха больше, чем сама ста-

тъя. Поместив такой снимок, газета нарушила его право на неприкосновенность личной жизни. Тем не менее он все же постарался сосредоточиться на том, что было написано в статье.

Поскольку во время инцидента Босх находился при исполнении служебных обязанностей, его будет защищать представитель городской прокуратуры. Если истец выиграет иск, платить придется не Босху, а городским налогоплательщикам.

Жену Чёрча Дебору представляет адвокат по гражданским правам Хани Чандлер, специализирующаяся на делах, связанных с полицейским произволом. В интервью, данном на прошлой неделе, Чандлер заявила, что попытается доказать жюри, что Босх действовал в такой безответственной манере, что фатальный инцидент с Чёрчем был практически неизбежен.

«Детектив Босх действовал как ковбой, и в результате погиб человек, – сказала Чандлер. – Не знаю, вел ли он себя просто безответственно, или за этим кроется нечто более чудовищное, – это мы как раз и выясним на суде».

Эту строчку Босх перечитал по меньшей мере шесть раз. Чудовищно. Что она хотела этим сказать? Он пытался выбросить ее слова из головы, понимая, что Чандлер не станет использовать газетное интервью для ведения психологической войны, однако это здорово смахивало на предупредительный выстрел. Ему давали понять, что дальше будет еще

интереснее.

Чандлер заявила, что она также собирается поставить под сомнение версию полиции о том, будто Чёрч и был Кукольником. По ее словам, Чёрч, отец двух дочерей, не был тем серийным убийцей, которого искала полиция; этот ярлык ему приклеили только для того, чтобы скрыть совершенное Босхом.

«Детектив Босх хладнокровно убил невинного человека, – сказала Чандлер. – Нашим гражданским иском мы стремимся сделать то, чего не сделали управление полиции и окружной прокурор, – выяснить правду и восстановить доброе имя семьи Чёрч».

Босх и защищающий его помощник городского прокурора Родни Белк отказались дать свои комментарии. Наряду с Босхом на слушаниях, которые продлятся одну-две недели, должны дать показания также...

– Эй, друг, у тебя нет лишней мелочи?

Оторвавшись от газеты, Босх увидел перед собой знакомое лицо чумазого бездомного, промышлявшего перед зданием суда. Всю неделю, пока шел процесс отбора присяжных, бродяга обходил свой участок, выпрашивая мелочь и сигареты. Его наряд составляли вельветовые брюки и надетый поверх двух свитеров поношенный твидовый пиджак. В руках он держал пластмассовый пакет с пожитками и большую чашку, куда предлагал бросать мелочь. Он также всегда носил с собой желтую подушку, сплошь покрытую каки-

ми-то надписями.

Инстинктивно похлопав себя по карманам, Босх пожал плечами. Мелочи у него не было.

– Знаешь, я бы взял и доллар.

– Лишнего доллара тоже нет.

Оставив его в покое, бездомный заглянул в урну. Из песка торчали пожелтевшие окурки. Подложив под руку желтую подушку, бродяга начал их сортировать, отбирая те, в которых оставалось хотя бы с полсантиметра табаку. Время от времени ему удавалось найти почти целую сигарету, и тогда он прищелкивал языком в знак одобрения. Собранный в урне урожай он также отправлял в чашку для пожертвований.

Довольный своими находками, бездомный отступил от урны и посмотрел на статую. Затем, взглянув на Босха, он подмигнул и начал покачивать бедрами в непристойной имитации полового акта.

– Ну как тебе моя девочка? – спросил он.

После этого он поцеловал себе руку и, встав на цыпочки, похлопал статую по ноге.

Прежде чем Босх успел как-то на это отреагировать, зазвучал висевший у него на поясе пейджер. Отступив еще на два шага, бродяга вдруг поднял вверх руку, словно защищаясь от какого-то невидимого бедствия, и на его лице появилось паническое выражение. Очевидно, в мозгу у него что-то заклинило, и нервные импульсы перестали проходить туда, куда надо. Развернувшись, бродяга стремглав понесся по

Спринг-стрит, держа под мышкой чашку с сигаретами.

Проводив его взглядом, Босх снял с пояса пейджер: на дисплее высветилось число «девяносто восемь». Это был номер лейтенанта Харви Паундза из Голливудского участка. Ткнув в песок то, что осталось от сигареты, Босх направился к зданию суда. На втором этаже, возле залов судебных заседаний, висели телефоны-автоматы.

– Ну, как там у тебя дела, Гарри? – спросил Паундз.

– Как обычно. Жду у моря погоды. Жюри уже составлено, и теперь юристы сидят у судьи и решают вопрос насчет открытия слушаний. Белк сказал, что мне там быть не нужно, так что я просто болтаюсь поблизости.

Он посмотрел на часы. Без десяти двенадцать.

– Скоро они уйдут на обеденный перерыв, – добавил он.

– Это хорошо. Ты мне нужен.

Босх не ответил. Паундз обещал ему, что до окончания суда не будет привлекать его к расследованиям. Еще неделю, ну максимум две. Это обещание Паундз не мог не выполнить. Он прекрасно понимал, что Босх просто не в состоянии заниматься делами об убийстве, по четыре дня в неделю находясь в федеральном суде.

– А что случилось? Я считал, что пока вычеркнут из списка.

– Так-то оно так. Но тут есть одна проблема, которая тебя касается.

Босх снова помедлил. С Паундзом всегда так. Гарри ско-

рее доверился бы уличному информатору, чем ему. У Паундза всякий раз имеется скрытый мотив. Кажется, сейчас лейтенант опять исполняет свой обычный танец. Напускает туману, пытаясь заставить Босха проглотить наживку.

– Проблема? – наконец сказал Босх. Такой вот уклончивый ответ.

– Ну, как я понимаю, ты уже видел сегодняшнюю газету – «Таймс» со статьей о твоём деле?

– Угу, только что ее читал.

– Так вот, мы получили еще одну записку.

– Записку? О чем это вы говорите?

– Я говорю о том, что кто-то подбросил записку в дежурную часть. Записка адресована тебе. И будь я проклят, если она не напоминает те, которые ты получал от Кукольника, когда все это происходило.

Босх готов был поклясться, что Паундз прямо-таки смакует свои слова.

– Но если она адресована мне, то как вы о ней узнали?

– Ее доставили не по почте. Она была без конверта. Всего одна страничка, сложенная в несколько раз, а сверху написано твое имя. Кто-то оставил ее в дежурной части, а потом, как ты можешь догадаться, кто-то ее прочел.

– И что же в ней написано?

– Ну, тебе это вряд ли понравится, Гарри, уж очень все не вовремя... В общем, в записке говорится, что ты взял не того, кого нужно, и что Кукольник все еще где-то поблизости.

Тот, кто написал записку, говорит, что он и есть настоящий Кукольник и что счет жертвам продолжается. Говорит, что ты убил не того.

– Чушь все это! Письма Кукольника были напечатаны, например, в книге Бреммера. Так что любой может скопировать его стиль и написать такую записку. Ты...

– Ты что, принимаешь меня за идиота, Босх? Я прекрасно понимаю, что это мог написать любой. Автор записки тоже это понимал, и в доказательство приложил к ней небольшую «карту сокровищ». Он указал, как найти тело очередной жертвы.

Наступила долгая пауза – пока Босх размышлял, а Паундз ждал.

– Ну и?.. – спросил наконец Босх.

– Я и послал Эдгара на поиски. Ты помнишь заведение «У Бинга»?

– «У Бинга»? Ну да, это к югу от Бульвара. Бильярдная. Но разве она не сгорела во время прошлогодних беспорядков?

– Точно, – сказал Паундз. – Сгорела дотла. Ее разграбили и сожгли. Остались только три стены и бетонная плита. Есть распоряжение о сносе, но владелец его еще не выполнил. В любом случае это место было указано в записке, которую мы получили. В записке говорится, что тело лежит под бетонной плитой. Эдгар отправился туда с городской бригадой, прихватив отбойные молотки и все прочее...

Паундз замолчал. «Что за мелкая душонка!» – подумал

Босх. Ну, на этот раз он подождет. Молчание сильно затянулось, и Паундз наконец не выдержал:

– И он нашел тело женщины. Именно там, где было указано в записке. Под плитой. Это...

– Сколько оно там пролежало?

– Пока не знаю. Похоже, довольно долго. Вот почему я и звоню. Мне нужно, чтобы ты во время обеденного перерыва подъехал туда и посмотрел, что можно из этого извлечь. В смысле, на самом деле это жертва Кукольника или нас пытаются надуть какой-то другой сумасшедший? Ты же у нас эксперт. Ты можешь поехать туда, когда судья объявит перерыв на обед. Там я тебя встречу. А к вступительным речам ты вернешься.

Босх оцепенел. Сейчас ему нужна была еще одна сигарета. Он отчаянно пытался хоть как-то переварить сообщение Паундза. Кукольник – Норман Чёрч – умер четыре года назад. Ошибки здесь быть не может. Босх знал это тогда и сейчас нутром чувствовал то же самое. Чёрч – это и есть Кукольник.

– Значит, записка только что появилась в дежурной части?

– Сержант из дежурной части обнаружил ее на стойке четыре часа назад. Никто не видел, как ее оставили. Знаешь, по утрам там проходит куча народу. Плюс пересменка. По моему поручению Михан разговаривал с людьми из дежурной части. Никто из них ничего не помнит.

– Черт! Прочтите ее мне.

– Не могу. Она у криминалистов. Сомневаюсь, что они чем-то помогут, но нужно все-таки соблюдать установленную процедуру. Я получу копию и привезу ее на место преступления, ладно?

Босх ничего не ответил.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказал Паундз, – но давай пока придержим коней и посмотрим, что там есть. Оснований для беспокойства пока нет. Может, это какой-то фокус той адвокатессы Чандлер. Не стоит ее недооценивать. Она такая – готова пойти на что угодно, чтобы прибить на стену еще один скаल्प лос-анджелесского полицейского. Любит, когда о ней пишут газеты.

– А как пресса? Журналоги что-нибудь пронюхали?

– Насчет найденного тела было уже несколько звонков. Наверно, перехватили сообщение с частоты коронера – мы-то соблюдали режим радиомолчания. Во всяком случае, никто еще не знает о записке или о том, что здесь замешан Кукольник, – известно только, что нашли тело. Думаю, то, что оно найдено под полом помещения, сгоревшего во время беспорядков, выглядит весьма сексуально.

– Пока нам стоит попридержать информацию о Кукольнике. Конечно, если автор записки сам не разошлет копии в прессу. Если он сделал так, то к концу дня мы об этом услышим.

– Но как же он похоронил ее под бетонной плитой, да еще в бильярдной?

– Ну, бильярдная занимала не все здание. В задней части были еще склады. Раньше там находилась музыкальная студия, а когда бильярдная заняла переднюю часть здания, остальные помещения сдали в аренду. Все это выяснил Эдгар – он сумел найти владельца. Убийца, наверно, был в одной из этих комнат, пробил там плиту и положил вниз тело этой девушки. Во время беспорядков все сгорело дотла, но плиту пожар не повредил. Тело бедной девушки все это время оставалось внизу. Эдгар говорит, оно стало похоже на мумию.

Дверь, ведущая в зал заседаний номер четыре, внезапно открылась, и из нее показались члены семьи Чёрч в сопровождении своего адвоката. Начался обеденный перерыв. Дебора Чёрч и ее дочери-подростки не смотрели на Босха, а вот Хани Чандлер, которую большинство копов называли Мани¹ Чандлер, бросила на него взгляд убийцы. Ее темные глаза неплохо смотрелись на загорелом лице с сильным подбородком. Это была привлекательная женщина с гладкими золотистыми волосами; очертания ее фигуры скрывались за чопорными линиями синего делового костюма. Когда она проходила мимо, Босха обдала волна враждебности.

– Босх, ты меня слушаешь? – спросил Паундз.

– Угу. Кажется, обеденный перерыв только что начался.

– Вот и хорошо. Тогда двигай туда, а я тебя встречу. Сам не могу поверить, что такое говорю, но я и вправду надеюсь,

---

¹ Money – деньги, денежный, выигрыш на скачках (англ.).

что это другой псих. Для тебя это было бы лучше всего.

– Это точно. – Уже вешая трубку, он услышал голос Паундза и снова поднес ее к уху.

– И еще одно. Если там появится пресса, предоставь ее мне. Как ни крути, формально ты не должен быть вовлечен в новое дело из-за судебной тяжбы относительно старого. Можно сказать, что мы привлекаем тебя в качестве эксперта.

– Ладно.

– Ну, жду твоего приезда.

Глава 2

Выбравшись по бульвару Уилшир из центральной части города и проехав через то, что осталось от парка имени Маккартура, Босх срезал угол до Третьей улицы. Свернув на север по Западной, он увидел слева от себя группу патрульных машин и фургоны криминалистов и коронерской службы. В отдалении виднелась большая надпись «ГОЛЛИВУД», но из-за смога огромные буквы были едва различимы.

Бильярдная «У Бинга» представляла собой три почерневшие стены, между которыми виднелась куча обугленного мусора. Крыши не было, но полицейские прикрепили к задней стене синее пластиковое полотнище и притянули его к металлической ограде, проходящей по передней границе участка. Босх знал, что это сделано вовсе не потому, что полиции вдруг срочно понадобилось укрыться от солнца. Нагнувшись вперед, он посмотрел на небо через ветровое стекло. Стервятники уже слетелись на мертвечину: в воздухе кружились арендованные прессой вертолеты.

Притормозив у обочины, Босх заметил парочку рабочих, стоявших возле грузовика с оборудованием. Бледные работы нервно курили; рядом лежали их отбойные молотки. Рабочие явно надеялись, что их услуги больше не понадобятся.

С другой стороны грузовика, рядом с синим фургоном коронера, стоял Паундз. Казалось, он едва сдерживается; вы-

ражение его лица было таким же потрясенным, как и у обывателей. Хотя Паундз руководил всеми голливудскими детективами, включая отдел по расследованию убийств, сам он делами об убийствах никогда не занимался. Подобно многим другим руководителям управления, он поднимался по служебной лестнице благодаря подхалимству и хорошо сданным тестам, а от практической работы был далек. Босх всегда радовался, когда видел, как кому-нибудь вроде Паундза выпадало попробовать хотя бы малую толику ежедневной полицейской рутины.

Прежде чем выйти из машины, Босх взглянул на часы. До вступительных речей оставался еще час.

– Рад тебя видеть, Гарри, – сказал Паундз подошедшему Босху.

– Всегда рад осмотреть еще одно тело, лейтенант.

Сняв пиджак, Босх положил его на сиденье. Затем достал из багажника просторный синий комбинезон и надел его прямо поверх одежды. Будет жарко, но зато он вернется в суд чистым, а не покрытым пылью и грязью.

– Хорошая мысль, – сказал Паундз. – Жаль, что я не привез сюда свое обмундирование.

Но Босх знал, что никакого обмундирования у него нет. Паундз совершал вылазки на место преступления только в тех случаях, когда ожидался приезд телевидения и можно было засветиться в передаче. Причем его интересовало именно телевидение, а не печатные издания. В беседе с газет-

ным репортером необходимо выдать не менее двух осмысленных фраз, а потом ваши слова отпечатываются на листе бумаги и весь следующий день, а то и целую вечность, доставляют вам одни неприятности. Нет, общение с печатными СМИ в управлении не поощрялось. Вот телевидение – это совсем другое дело: телевизионные передачи – вещь мимолетная и куда менее опасная.

Босх двинулся к синему тенту. Под ним возле кучи битого цемента, вдоль края траншеи, проложенной в бетонном фундаменте, стояла выехавшая на происшествие обычная группа дознавателей. Посмотрев вверх, он увидел вертолет телевизионщиков, прошедший совсем низко над землей. Из-за тента они не могут разглядеть место преступления и, вероятно, попытаются задействовать наземные группы.

В здании все еще валялось немало мусора: обугленные потолочные балки, куски дерева, разбитые железобетонные конструкции. Стараясь не оступиться, Паундз и Босх осторожно пробирались к собравшимся на месте преступления.

– Здесь все разровняют и сделают еще одну автостоянку, – сказал Паундз. – Это все, что дали городу волнения, – около тысячи новых автостоянок. Хочешь припарковаться в Саут-Сентрал – пожалуйста! А вот если ты захочешь купить бутылку газировки или заправить машину – вот тогда у тебя возникнут проблемы. Все сожжено дотла. Тебе не случалось ездить через Саут-Сайд перед Рождеством? Там все заставлено елками, все свободное пространство. Не понимаю, за-

чем эти люди сжигают свой собственный квартал.

Как считал Босх, «эти люди» сделали то, что они сделали, не в последнюю очередь из-за того, что такие, как Паундз, не понимают, зачем это делать. Подобные вещи будут повторяться снова и снова, считал Босх, причем в строгой цикличности. Примерно раз в двадцать пять лет в негритянских кварталах вспыхивает пламя ненависти, но скоро все успокаивается, и жизнь снова идет своим чередом. До следующего раза.

Поскользнувшись на камнях, Паундз внезапно потерял равновесие. В последний момент ему все же удалось избежать падения; опершись на руки, он быстро выпрямился.

– Черт побери! – воскликнул он, а потом, хотя Босх и не спрашивал, добавил: – Все в порядке.

И быстро поправил сбившуюся прядь волос, прикрывавших лысину. Сделав это, он, однако, испачкал рукой лоб, и тем не менее Босх не стал его ни о чем предупреждать.

В конце концов они все же добрались до места назначения. Там стоял бывший напарник Босха Джерри Эдгар в компании еще двух сотрудников, которых Гарри знал лично, и двух незнакомых ему женщин. На женщинах были зеленые комбинезоны – форма труповозчиков из службы coronera. Эти низкооплачиваемые работники, мотавшиеся в синем автофургоне с одного места происхождения на другое, забирали оттуда трупы и помещали их в ящики со льдом.

– И где же это ты, Гарри? – спросил Эдгар.

– Да прямо здесь.

Эдгар недавно побывал на фестивале блюзов в Новом Орлеане, откуда и привез это приветствие, которое употреблял так часто, что оно уже всех раздражало. В детективном бюро Эдгар был единственным, кто этого не понимал.

На фоне остальной группы Эдгар сразу бросался в глаза. На черном детективе не было комбинезона: он вообще его не надевал, чтобы не помять свой дорогой костюм, хотя каким-то образом ему все же удалось пробраться на место преступления, практически не запачкавшись. Несмотря на то что рынок недвижимости, в свое время дававший Эдгару неплохой побочный заработок, уже три года как находился в кризисе, он все равно одевался лучше всех в отделении. Пожалуй, думал Босх, глядя на аккуратно повязанный голубой шелковый галстук Эдгара, один этот галстучек стоит побольше его собственных рубашки и галстука, вместе взятых.

Оторвав взгляд от Эдгара, Босх кивком поздоровался с криминалистом из службы идентификации личности Артом Донованом, подчеркнуто не обратив внимания на остальных. В этом отношении он строго следовал протоколу. Как и в других подобных случаях, здесь действовала своя кастовая система. На месте преступления детективы в основном разговаривают между собой либо с криминалистом из службы идентификации. Представители низшей касты – труповозчики – разговаривают только с криминалистом из службы коронера. Тот, в свою очередь, мало общается с копами. Он

смотрит на них свысока, рассматривая как надоедливых просителей – им всегда что-нибудь нужно: то произвести вскрытие, то сделать анализ на наличие токсичных веществ, и все это должно быть готово уже вчера.

Босх заглянул в траншею. Пробивая бетонную плиту, рабочие проделали яму длиной два с половиной метра и глубиной метр двадцать. После этого они стали двигаться в стороны, и теперь в результате их работы на глубине примерно метра от поверхности плиты отчетливо виднелось пустое пространство в бетоне. Присев на корточки, Босх увидел, что по форме эта полость напоминает женское тело – что-то вроде изложницы, в которую заливают пластмассу при производстве манекенов. Но сейчас внутри было пусто.

– А где же тело? – спросил Босх.

– Его уже унесли, – сказал Эдгар. – Оно в грузовике, в пластиковом мешке. Сейчас мы пытаемся придумать, как бы целиком извлечь отсюда нужный кусок плиты.

Несколько секунд Босх молча смотрел на выемку, потом встал и пошел обратно. Следователь службы коронера Ларри Сакаи проводил его до фургона, отпер и открыл заднюю дверь. Внутри было очень душно, а изо рта у Сакаи пахло так, что даже запах дезинфекции отступал.

– Я догадываюсь, почему тебя сюда вызвали, – сказал Сакаи.

– Да? И почему же?

– Потому, что это здорово похоже на работу гребаного Ку-

кольника.

Босх не ответил ничего, не желая, чтобы Сакаи услышал от него нечто определенное. Четыре года назад Сакаи участвовал в расследовании некоторых дел Кукольника. Босх подозревал, что именно благодаря ему пресса дала серийному убийце такое прозвище. Кто-то слил ведущему четвертого канала информацию о том, что убийца раз за разом покрывает косметику тела своих жертв. Ведущий и окрестил убийцу Кукольником. А уж после его стали называть так все, даже копы.

А вот Босх всегда ненавидел это прозвище. Оно содержало в себе характеристику не только убийцы, но и его жертв. Оно лишало их индивидуальности, а все совершенное Кукольником начинало больше походить на фарс, нежели на трагедию.

Босх окинул взглядом внутреннее пространство фургона. Пара носилок и два тела. Одно из них целиком заполняло черный пластиковый мешок; невидимый труп то ли был очень грузным при жизни, то ли сильно раздулся после смерти. Босх повернулся ко второму мешку, содержимое которого было едва заметно. Он знал, что это и есть то тело, которое извлекли из бетона.

– Ага, это оно, – сказал Сакаи. – Второго зарезали на бульваре Ланкершим. Там работает Северный Голливуд. Сюда мы приехали, как только получили сообщение об этом втором.

Вот почему пресса так быстро за это ухватилась. Передачи на частоте коронерской службы принимают, наверно, в каждой редакции.

Он еще немного посмотрел на меньший по размеру мешок и, не дожидаясь со стороны Сакаи каких-либо действий, расстегнул молнию. В нос ударил резкий запах тления, который, однако, был бы гораздо сильнее, если бы тело нашли раньше. Сакаи расстегнул мешок полностью, и Босх смог наконец взглянуть на останки. Темная кожа туго обтягивала кости. Отвращения Босх не испытывал, поскольку привык к подобным вещам и приобрел способность абстрагироваться от них. Иногда он даже считал, что смотреть на мертвые тела и есть основное дело его жизни. Ему еще не было двенадцати лет, когда он опознал для полиции тело своей матери; потом во Вьетнаме он видел бесчисленное множество смертей, а за двадцать лет службы в полиции мертвых тел было так много, что он уже сбился со счета. В большинстве случаев он оставался бесстрастным, как кинокамера. Можно даже сказать – как психопат.

Лежавшая в мешке женщина была небольшого роста, однако распад и усыхание тканей могли привести к тому, что тело сейчас казалось меньше, чем было при жизни. Остатки волос достигали плеч; по цвету можно было сказать, что убитая – крашеная блондинка. На лице виднелись следы косметики. По сравнению со всем остальным прекрасно сохранившиеся груди выглядели неправдоподобно полными и круг-

лыми. Они придавали трупам гротескный вид – все было не так, как положено.

– Имплантаты, – сказал Сакаи. – Они ведь не портятся. Можно хоть сейчас их вытащить и продать какой-нибудь другой глупой цыпочке. Пора открывать программу по утилизации.

Босх ничего не ответил. Его внезапно поразила мысль о том, что эта женщина, кем бы она ни была, стремилась выглядеть более привлекательной, и вот ее постигла такая судьба. Возможно, она как раз и преуспела в своих усилиях, думал он, раз убийца нашел ее вполне привлекательной.

Его раздумья прервал Сакаи:

– Если это сделал Кукольник, значит она пробыла в бетоне не меньше четырех лет. Но если это так, то разложение зашло не слишком далеко. Сохранились глаза, волосы, некоторые внутренние ткани. С этим можно работать. Вот на прошлой неделе мне подвалила работенка: в каньоне Соледад нашли одного туриста; вроде тот самый, что пропал прошлым летом. Ну так вот, от него остались одни кости. Конечно, под открытым небом полно всяких тварей. Знаешь, они ведь проникают в тело через задницу. Это самый легкий путь, и животные...

– Я знаю, Сакаи. Давай лучше поговорим насчет вот этого.

– Ну, в случае с этой женщиной бетон, очевидно, замедлил все процессы. Конечно, не остановил, но замедлил. Получилось что-то вроде воздухо непроницаемой гробницы.

– А вы можете определить, когда именно она умерла?

– Наверно, можем, но, скорее всего, не по телу. Мы ее идентифицируем, а потом уже вы, ребята, выясните, когда она пропала. Примерно так.

Босх посмотрел на пальцы трупа, которые походили на темные палочки толщиной с карандаш.

– А как насчет отпечатков?

– Мы их возьмем, но не отсюда.

Взглянув на Сакаи, Босх увидел, что тот улыбается.

– Что? Неужели она оставила их на бетоне?

Улыбка исчезла с лица Сакаи – сюрприз не удался.

– Ну да, верно. Можно сказать, что она оставила там свой след. Думаю, мы найдем там отпечатки пальцев, а может, даже слепок ее лица – если, конечно, сможем извлечь оттуда плиту. Тот, кто готовил этот бетон, налил слишком много воды, и он получился чересчур мелкозернистым. Для нас это удача.

Перегнувшись через носилки, Босх попытался рассмотреть обернутую вокруг шеи трупа и завязанную узлом кожаную полоску. Это был тонкий черный ремешок, прошитый по краям и, очевидно, отрезанный от дамской сумочки – как и все прочие. Босх нагнулся ниже, и запах гниения сразу наполнил его ноздри. Диаметр обернутой вокруг шеи кожаной удавки был совсем небольшим – примерно как у винной бутылки. Достаточно маленьким, чтобы лишить жертву жизни. Босх присмотрелся. Скользящий узел был завязан с правой

стороны, то есть левой рукой – как и у всех остальных. Чёрч был левшой.

Оставалось проверить еще одну вещь. То, что они называли подписью.

– Одежда? Обувь?

– Ничего нет. Как и у остальных.

– Расстегни до конца. Я хочу видеть все.

Сакаи расстегнул молнию до самых ног. Босх не знал, известно ли Сакаи о подписи, но не собирался об этом упоминать. Наклонившись над трупом, он сделал вид, что осматривает его полностью, хотя на самом деле его интересовали только ногти на пальцах ног. Ступни были черными и потрескавшимися. Ногти тоже потрескались, на нескольких пальцах их вообще не осталось. Тем не менее розовый лак все же сохранился, хотя и потускнел от времени, пыли и продуктов разложения. А на большом пальце правой ноги виднелась подпись – по крайней мере, то, что от нее осталось. Крошечный белый крестик – фирменный знак Кукольника. Убийца наносил их на тела всех своих жертв.

Сердце Босха отчаянно заколотилось. Оглядевшись по сторонам, он обнаружил, что у него начинается приступ клаустрофобии. Мозги окончательно разъехались в разные стороны. Если это тело по всем известным параметрам не отличается от других жертв Кукольника, тогда получается, что и сейчас убийца – он. Но если Чёрч убил эту женщину, а теперь уже и сам умер, кто же тогда оставил записку в де-

журной части?

Выпрямившись, он впервые целиком окинул взглядом обнаженное тело, сморщенное, никому не нужное. Может быть, там, под слоем бетона, лежат и другие тела?

– Закрывай, – сказал он Сакаи.

– Ну что, это он? – спросил Сакаи. – Кукольник?

Босх ничего не ответил. Выбравшись из фургона, он растянул свой комбинезон – надо же впустить внутрь хоть немного воздуха.

– Эй, Босх! – позвал оставшийся в автофургоне Сакаи. – Мне просто интересно – как же вы все это нашли? Если Кукольник мертв, то кто подсказал вам, где искать?

Не ответив и на этот вопрос, Босх медленно направился в сторону навеса. Похоже, оставшиеся все еще не решили, как именно нужно удалять бетон, в котором нашли тело. Стараясь не запачкаться, Эдгар стоял в сторонке. Босх подал знак ему и Паундзу, и они втроем собрались слева от канавы – там, где их не могли услышать.

– Ну что? – спросил Паундз. – Что мы имеем?

– Похоже на работу Чёрча, – сказал Босх.

– Черт! – буркнул Эдгар.

– Почему ты так уверен? – спросил Паундз.

– Из того, что я видел, ясно, что совпадает каждая деталь.

Включая подпись. Она тоже там.

– Подпись? – переспросил Эдгар.

– Белый крестик на ноге. Во время расследования мы со-

хранили это в тайне, заключив соглашение с репортерами, чтобы они об этом не сообщали.

– А может, Кукольнику кто-то подражает?

– Может быть. Публика не знала о белом крестике до самого окончания расследования. А потом Бреммер из «Таймс» написал об этом деле книгу и упомянул про крестик.

– Ну, значит, это подражатель! – заявил Паундз.

– Все зависит от того, когда она умерла, – сказал Босх.

– Его книга вышла через год после смерти Чёрча. Если она убита после этого, мы имеем дело с подражателем. Если ее закатали в бетон раньше, то я не знаю...

– Черт! – сказал Эдгар.

Немного подумав, Босх заговорил снова:

– Тут есть несколько вариантов. Это дело рук подражателя, или же у Чёрча был сообщник, о котором мы ничего не знали. Или же... я шлепнул не того, кого надо. Возможно, тот, кто написал записку, говорит правду.

Повисло неловкое молчание. Так бывает, когда на улице лежит собачье дерьмо, – все его осторожно обходят, стараясь не коснуться даже взглядом.

– А где записка? – спросил наконец Босх.

– У меня в машине. Могу принести. А что ты имеешь в виду, когда говоришь, что у него мог быть сообщник?

– Ну, если это сделал Чёрч, то кто прислал записку, если Чёрча уже нет в живых? Очевидно, это должен быть кто-то,

кто знает, что это сделал Чёрч, и знает, куда он спрятал тело. Если дело обстоит именно так, то кто этот второй? Сообщник? Может, Чёрчу кто-то помогал убивать, а мы об этом до сих пор ничего не знали?

– Помните Хиллсайдского Душителя? – спросил Эдгар. – Оказалось, что это – душители, во множественном числе. Двоюродные братья, которым нравилось убивать молодых женщин.

Паундз сделал шаг назад и удрученно покачал головой – такой поворот событий явно угрожал его карьере.

– А может, это Чандлер? – сказал Паундз. – Ну, скажем, жена Чёрча точно знает, где тот хоронил тела убитых. Она сообщает это Чандлер, и та разрабатывает такую схему: пишет записку, подделываясь под Кукольника, и оставляет эту записку в участке. Тогда она с гарантией выигрывает дело.

Босх мысленно прокрутил в голове этот вариант. Пожалуй, такое могло бы сработать, хотя и имело свои недостатки. Придется просмотреть все возможные сценарии.

– Но тогда получается, что Чёрч одни тела хоронил, а другие нет. Психиатр, который консультировал тогда спецгруппу, говорил, что он выставлял своих жертв напоказ – он был эксгибиционистом. В самом конце, после седьмого убийства, он даже стал отправлять записки – и нам, и в прессу. Если одни тела он выставлял напоказ, а другие закатывал в бетон, это как-то нелогично.

– Да, пожалуй, – согласился Паундз.

– Мне больше нравится вариант с подражателем, – сказал Эдгар.

– Но зачем копировать все, вплоть до подписи, а затем прятать тело? – спросил Босх.

На самом деле он не ждал от них ответа. На этот вопрос он должен был ответить себе сам. Они долго молчали, и с каждой секундой становилось все яснее, что Кукольник, видимо, до сих пор жив.

– Кто бы это ни сделал, к чему тогда записка? – сказал наконец Паундз, выглядевший весьма возбужденным. – Зачем он послал нам записку? Ведь без нее он вышел бы сухим из воды.

– Затем что ему нужно внимание, – сказал Босх. – Как и Кукольнику. Начинаящийся процесс будет как раз кстати.

После его слов снова воцарилось долгое молчание.

– Главное здесь, – сказал наконец Босх, – это идентификация тела. Выяснив, сколько времени она пролежала в бетоне, мы поймем, с чем столкнулись.

– Так что же нам делать? – спросил Эдгар.

– Я скажу, что делать, – сказал Паундз. – Мы не станем никому ничего говорить – до поры до времени. Пока не будем абсолютно точно знать, с чем столкнулись. Подождем, пока не произведут вскрытие и идентификацию. Тогда мы выясним, когда умерла эта девушка и что она делала в момент исчезновения. После этого мы... после этого я решу, что нам делать дальше. А пока будем молчать. Неправильное

истолкование этого дела может нанести управлению большой ущерб. Я вижу, некоторые журналисты уже здесь, так что я ими займусь. Все остальные молчат. Ясно?

Босх и Эдгар согласно кивнули, и Паундз медленно двинулся к группе репортеров и телеоператоров, стоявших за желтой лентой, которой полиция огородила место преступления.

Босх и Эдгар несколько секунд молча наблюдали, как он уходит.

– Надеюсь, он знает, что говорит, – сказал Эдгар.

– Он прямо-таки излучает уверенность, – усмехнулся Босх.

– Это точно.

– И что ты собираешься делать с отпечатком, оставленным телом на бетоне? – спросил Босх, когда они с Эдгаром вернулись к траншее.

– Отбойщики считают, что бетон нельзя сдвигать с места. Они говорят, что тот, кто смешивал бетон, не слишком строго соблюдал инструкции – там чересчур много воды и мелкозернистого песка. В результате получилось что-то вроде гипса. Если мы попытаемся поднять эту штуку целиком, она разрушится под собственной тяжестью.

– И что же делать?

– Donovan готовит гипс. Он собирается снять слепок с лица. Для руки (у нас есть только левая, правая сторона разрушилась, когда стали долбить) Donovan собирается исполь-

зовать силиконовую смолу. Он говорит, что так легче всего получить отпечатки пальцев.

Босх кивнул. Несколько мгновений он молча наблюдал, как Паундз разговаривает с репортерами, и впервые за сегодняшний день заметил нечто заслуживающее улыбки. Паундз был в эфире, но никто из репортеров, очевидно, так и не сообщил ему о том, что у него испачкан весь лоб. Закурив сигарету, Босх снова переключил внимание на Эдгара.

– Значит, здесь все складские помещения сдавались внаем? – спросил он.

– Именно так. Владелец был тут совсем недавно и сказал, что в задней части располагались складские помещения – в отдельных комнатах. Кукольник, ну то есть убийца, видимо, снимал одно из них и мог делать там все, что хотел. Единственная проблема – шум, который он производил, когда ломал бетонный пол, но он вполне мог работать и по ночам. Хозяин сказал, что по ночам там обычно никого не было. Все арендаторы имели ключи от наружной двери. Преступник мог спокойно проникнуть в помещение и проделать всю работу за одну ночь.

Следующий вопрос был вполне очевиден, так что Эдгар ответил на него раньше, чем Босх его задал.

– Хозяин не может сообщить нам имя арендатора с уверенностью. Все записи сгорели во время пожара. Его страховая компания выплатила компенсацию большинству тех, кто предъявил какие-то требования, – их имена нам известны.

Но есть несколько человек, которые никаких претензий не предъявляли, и больше он о них ничего не слышал. Всех фамилий он не помнит, но наш парень наверняка зарегистрировался не под своим именем. По крайней мере, если я вздуваю арендовать помещение для того, чтобы похоронить кого-то под полом, то вряд ли стану называть свою настоящую фамилию.

Кивнув, Босх посмотрел на часы. У него осталось совсем немного времени. Он вдруг ощутил голод, но поесть сейчас, скорее всего, не удастся. Взглянув на бетонную поверхность, он отметил, что старый и новый бетон сильно различаются по цвету. Старый бетон был почти белым, а тот, в котором замуровали женщину, – темно-серым. На дне канавы из серой глыбы выступал маленький клочок красной бумаги. Спрыгнув в раскоп, Босх подобрал этот кусок бетона и постучал по старой плите. Серый кусок развалился прямо у него в руках. Красная бумага оказалась обрывком пустой пачки из-под сигарет «Мальборо». Достав из кармана пиджака пластмассовый мешочек для сбора вещественных доказательств, Эдгар протянул его Босху, чтобы тот опустил туда свою находку.

– Должно быть, она попала туда вместе с телом, – заметил он. – Неплохой улов.

Выбравшись из канавы, Босх снова посмотрел на часы. Все, пора ехать.

– Сообщи, если удастся ее опознать, – сказал он Эдгару. Положив комбинезон обратно в багажник, Босх заку-

рил. Стоя рядом с машиной, он смотрел, как Паундз проводит свою тщательно спланированную «импровизированную» пресс-конференцию. По телекамерам и дорогой одежде можно было заключить, что здесь собрались в основном телевизионщики. С краю стоял Бреммер из газеты «Таймс». Босх не видел его уже довольно давно; за это время он пополнил и отпустил бороду. Босх знал, что Бреммер стоит с краю, дожидаясь, когда телевизионщики закончат задавать свои вопросы, и тогда он сможет спросить Паундза о чем-то более серьезном, требующем некоторых раздумий.

Потягивая сигарету, Босх примерно пять минут ждал, пока Паундз освободится. Рискуя опоздать в суд, он все же хотел увидеть записку. Когда Паундз наконец покончил с репортерами, он подал знак подойти к его машине. Босх присел на пассажирское сиденье, и Паундз подал ему ксерокопию.

Гарри довольно долго изучал послание, написанное характерными печатными буквами. Эксперт из отдела по работе с документами назвал это гарнитурой «Филадельфия» с выравниванием слов по левому полю; по его мнению, буквы клонились влево из-за того, что их выводили не той рукой, – возможно, левша писал правой рукой.

В газете сказано, что суд сегодня начат.

По делу Кукольника он вердикт назначит.

Попала пуля Босха в цель, но куклы знают точно,

Что я еще своей работы не закончил.

На Западной есть место, о нем поет душа —
«У Бинга» под полом куколка – ну до чего хороша!
Досадно, милый Босх, когда не в ту цель попадаешь,
Прошли года, но я все еще в игре – ты об этом знаешь!

Босх знал, что стиль можно подделать, но в этом тексте его что-то смущало. Все та же напыщенность, все те же высокопарные фразы и беспомощные, нелепые рифмы. В груди тягостно заныло.

«Это он, – думал Босх. – Это он».

Глава 3

– Леди и джентльмены, – глядя на членов жюри, нараспев произнес федеральный окружной судья Алва Кейес, – мы начинаем процесс с того, что у нас называется вступительными заявлениями сторон. Имейте в виду – вам не следует воспринимать их как доказательства. Это всего лишь наметки или, если хотите, дорожные карты тех маршрутов, по которым юристы хотят направить дело. Повторяю: вам не следует рассматривать их в качестве доказательств. Адвокаты сторон могут делать весьма претенциозные заявления, но это только слова, которые еще требуют подтверждения. В конце концов, они всего лишь юристы.

Это высказывание вызвало вежливый смех со стороны присяжных и всех остальных присутствовавших в зале номер четыре. У судьи с его южным акцентом последнее слово прозвучало не как «лойерс» (юристы), а как «лай-ерс» – от слова «лай» (ложь), что также добавило веселья. Улыбнулась даже Мани Чандлер. Оглянувшись на зал заседаний, Босх увидел, что отведенные для публики места заполнены едва ли наполовину. Со стороны истца в первом ряду сидели восемь человек – родственники и друзья Нормана Чёрча; в их число не входила вдова, сидевшая за столом истца, рядом с Чандлер.

Присутствовали также с полдюжины судебных завсегда-

таев – пожилых людей, которым нравилось наблюдать за чужими драмами. Была еще группа судебных клерков и студентов-юристов, вероятно пришедших посмотреть на великую Хани Чандлер в деле, а также репортеры, чьи перья в напряженном ожидании зависли над блокнотами. Вступительные заявления всегда дают неплохой материал для прессы: как правильно заметил судья, юристы в этот момент говорят все, что хотят. Потом репортеры все же будут время от времени заглядывать на слушания, но до заключительных выступлений сторон и вынесения приговора писать о нем будут совсем немного.

Если только не произойдет чего-нибудь необычного.

Босх оглянулся. Сзади на скамьях никого не было. Он знал, что Сильвии Мур там сейчас и не должно быть – об этом они условились заранее. Босх не хотел видеть ее здесь. Он сказал ей, что это всего лишь формальность, часть той цены, которую платит каждый коп, честно выполняющий свою работу. На самом деле Босх не хотел ее присутствия из-за того, что не был здесь хозяином положения. Люди задают ему неприятные вопросы, и ему ничего не остается, кроме как отвечать на них. На таком процессе может всплыть все, что угодно, – и, вероятно, всплывет. Босху не хотелось, чтобы она это видела.

Возможно, присяжные, заметив, что позади него на скамьях для публики никого нет, уже поэтому сочтут его виновным – раз никто не выражает ему поддержку.

Когда смех в зале затих, он оглянулся и посмотрел на судью. Судья Кейес производил сильное впечатление. Это был крупный мужчина в прекрасно сидевшей на нем черной мантии; сложенные на груди большие руки создавали впечатление сдержанной силы. Покрасневшая на солнце лысая голова, по краям которой росли редкие пучки седых волос, была идеально круглой и, казалось, вмещала огромное количество юридической информации. Этот пересаженный на чужую почву южанин, будучи адвокатом, специализировался на делах, связанных с нарушениями гражданских прав; имя себе он заработал, вчинив иск Управлению полиции Лос-Анджелеса (УПЛА) по поводу непропорционально большого количества смертей чернокожих граждан, задержанных сотрудниками полиции. Федеральным судьей его назначил президент Джимми Картер; с тех самых пор он и командовал парадом в зале заседаний номер четыре.

Адвокат Босха, помощник городского прокурора Род Белк, до самого начала слушаний сражался как лев, пытаясь отвести этого судью по процедурным мотивам, с тем чтобы для ведения дела назначили другого судью – желательно такого, кто раньше не был поборником гражданских прав. Увы, все его усилия оказались тщетными.

Тем не менее Босха это расстроило вовсе не так сильно, как самого Белка. Он понимал, что, хотя судья Кейес слеплен из того же теста, что и адвокат истца Хани Чандлер, – к полиции он относится с подозрением, иногда даже враждеб-

но, – он все же справедливый человек. А этого вполне достаточно, думал Босх, чтобы все кончилось хорошо.

Вообще, в глубине души он считал свои действия в Сильвер-Лейк вполне оправданными. Он все сделал правильно.

– Именно вам решать, – обращаясь к присяжным, говорил судья, – верно ли то, что скажут вам адвокаты. Помните об этом. А теперь, миз² Чандлер, вы первая.

Кивнув, Хани Чандлер встала и подошла к кафедре, стоявшей между столами истца и ответчика. Судья Кейес придерживался строгих правил. В зале заседаний не допускалось никаких передвижений: адвокаты не могли подходить ни к месту для дачи свидетельских показаний, ни к скамье присяжных. Все, что адвокат говорил вслух, произносилось исключительно с кафедры. Зная, что судья требует строгого соблюдения установленных им правил, Чандлер даже спросила у него разрешения перед тем, как слегка развернуть кафедру – так, чтобы видеть лица присяжных. Судья сурово кивнул в знак одобрения.

– Добрый день, – начала Чандлер. – Судья совершенно прав, когда говорит, что это заявление не более чем дорожная карта.

Хороший ход, подумал Босх с той долей цинизма, с которой он рассматривал все это дело, – польстить судье первой же фразой. Он окинул взглядом склонившуюся над своими записями Чандлер. Над верхней пуговицей ее блузки вид-

---

² *Миз* – обращение к женщине независимо от ее семейного положения.

нелась большая булавка с круглым черным ониксом, мертвым и тусклым, как глаз акулы. Волосы были зачесаны назад и уложены в косу на затылке в сугубо деловом стиле. Одна прядь, однако, выбивалась, и это помогало создать образ женщины, не обращающей внимания на собственную внешность и полностью сосредоточенной на своей работе, а точнее, на текущем деле и на том возмутительном попрании закона, которое позволил себе ответчик. Босх был уверен, что эту прядь Чандлер оставила специально.

Босх вдруг вспомнил то тягостное ощущение, которое он испытал, когда узнал, что против него будет выступать Чандлер. Это известие обеспокоило его гораздо больше, чем то, что вести процесс назначен судья Кейес. Чандлер действительно знала свое дело – именно за это ее и прозвали Мани.

– Я хотела бы немного провести вас по этой дороге, – сказала Чандлер, и Босху даже почудилось, что в ее речи прозвучал южный акцент. – Я просто хочу рассказать, в чем заключается это дело и что именно, как мы полагаем, должны подтвердить имеющиеся доказательства. Дело это касается гражданских прав и затрагивает трагический эпизод со стрельбой, в ходе которого человек по имени Норман Чёрч погиб от руки полицейского.

Здесь она сделала паузу. Вовсе не для того, чтобы заглянуть в свои записи, а чтобы привлечь максимум внимания к тому, что она сейчас скажет. Босх взглянул на присяжных. Семеро мужчин и пять женщин. Трое черных, три латинос,

один азиат и пятеро белых. Все они смотрели на Чандлер с напряженным вниманием.

– Дело это, – сказала Чандлер, – о полицейском, которому было мало его собственной работы и тех обширных прав, которые она ему дает. Ему захотелось взять на себя еще и вашу работу. И работу судьи Кейеса. И работу штата по исполнению приговоров и решений, которые выносят судьи и присяжные. Он захотел всего сразу. Это дело о детективе Гарри Босхе, который сейчас сидит на скамье ответчика.

И она указала на него пальцем, растягивая при этом слово «от-вет-чи-ка». Белк немедленно вскочил с места и выразил свой протест.

– Миз Чандлер, нет нужды указывать пальцем на моего клиента или устраивать тут саркастические вокализации. Да, мы сидим за столом ответчика – потому что это гражданское дело, а в нашей стране каждый имеет право подавать иск против кого угодно, даже семья...

– Возражение, ваша честь! – крикнула Чандлер. – Он использует свое возражение в попытке еще больше опорочить миссис Чёрч, которой никогда не предъявлялось никаких обвинений ввиду...

– Хватит! – рявкнул судья Кейес. – Возражение принимается. Миз Чандлер, не надо ни на кого указывать пальцем. Мы все здесь знаем, кто мы такие. Не следует также придавать своим словам какую-либо подстрекательскую окраску. Слова и так бывают красивыми или безобразными, и пусть

они говорят сами за себя. Что же касается мистера Белка, то меня чрезвычайно раздражает, когда адвокат противной стороны прерывает чью-то вступительную или заключительную речь. У вас еще будет возможность высказаться, сэр. Советую вам не делать возражений, пока миз Чандлер произносит свою речь, – разве что она допустит какие-то вопиющие нарушения прав вашего клиента. То, что на него указывают пальцем, не служит основанием для протеста.

– Спасибо, ваша честь! – хором сказали Белк и Чандлер.

– Продолжайте, миз Чандлер. Как я уже говорил сегодня утром на предварительных слушаниях, я хочу, чтобы вступительные заявления были произнесены до конца дня. К тому же на четыре часа у меня назначено еще одно дело.

– Спасибо, ваша честь, – снова сказала она. И, вновь повернувшись к присяжным, добавила: – Леди и джентльмены, всем нам нужна наша полиция. Все мы надеемся на нашу полицию. Большинство полицейских – подавляющее их большинство – выполняют свою неблагодарную работу, и выполняют ее хорошо. Управление полиции – неотъемлемая часть нашего общества. Что бы мы делали, если бы не могли положиться на сотрудников полиции, призванных «служить и защищать»? Однако смысл нашего процесса вовсе не в этом. Смысл его в том, как мы должны поступить, если один из представителей полиции начинает нарушать установленные законы и правила. То, о чем мы говорим, называется «безответственный коп». А собранные доказательства обязательно

покажут, что Гарри Босх и есть такой безответственный коп, который четыре года назад решил стать судьей, коллегией присяжных и палачом одновременно. Он застрелил человека, которого считал убийцей. Да, отвратительным серийным убийцей, но в тот момент, когда ответчик решил вытащить свой пистолет и выстрелить в мистера Нормана Чёрча, для того, чтобы так думать, не было никаких юридических оснований.

Теперь защита будет рассказывать вам о якобы найденных уликах, которые, по мнению полиции, будто бы указывают на связь мистера Чёрча с этими убийствами. Но вспомните: когда были найдены эти улики? После казни мистера Чёрча. Откуда они взялись? Их представила сама полиция. Думаю, мы сможем показать, что эти так называемые улики по меньшей мере сомнительны. В лучшем случае они получены незаконным путем. В сущности, вам предстоит решить, действительно ли мистер Чёрч, женатый человек, имеющий двоих маленьких детей и хорошо оплачиваемую работу в аэрокосмической корпорации, является этим серийным убийцей, так называемым Кукольным, или же полиция сделала его козлом отпущения, чтобы прикрыть грехи одного из своих сотрудников. А именно жестокую, незаконную и ненужную казнь безоружного человека.

Дальше она подробно рассказала о существующем в управлении кодексе молчания, о длинной истории полицейского произвола, об избиении Родни Кинга и волнениях бед-

ноты. Каким-то образом у нее получалось, что все это – отвратительные цветы растения, выросшего из того зловещего зерна, которое посеяло отвратительное убийство Нормана Чёрча. Босх слушал ее вполуха. Глаза его были открыты, время от времени он даже встречался взглядом с кем-нибудь из присяжных, но мысли его витали далеко. Это был его собственный метод защиты. Адвокаты, присяжные и судья собирались минимум неделю анализировать то, о чем он подумал и что сделал меньше чем за пять секунд. Чтобы все это выдержать, надо уметь отключаться.

Сейчас перед ним стояло лицо Чёрча, каким он увидел его в самом конце, в той комнате над гаражом на Гиперион-стрит. Тогда они встретились взглядами, и Босх был уверен, что видел перед собой глаза убийцы – такие же тусклые, как камень на шее у Чандлер.

– ...Но даже если он тянулся за оружием, – говорила Чандлер, – то что это меняет? Какой-то человек только что выбил его дверь – человек с пистолетом. Кто может при таких обстоятельствах винить человека, который, по словам полиции, тянется за оружием? Тот факт, что он пытался достать парик, делает эту ситуацию еще более отвратительной. Это было хладнокровное убийство, с которым наше общество не может примириться.

Босх снова отключился от всех звуков и стал думать о новой жертве, несколько лет пролежавшей в бетоне. Возможно, ее мать, отец, муж или ребенок все это время тревожились

о ней, не понимая, куда она исчезла. Впрочем, может быть, никто и не подавал в полицию заявление о пропаже без вести. Вернувшись с места преступления, Босх начал рассказывать о случившемся своему адвокату. Он предложил ему попросить судью Кейеса отложить процесс – до тех пор, пока не прояснится ситуация с новым убийством. Однако Белк не дал ему договорить, заявив, что чем меньше он будет знать, тем лучше. Новая находка, казалось, так его испугала, что Белк решил сделать противоположное тому, что предлагал Босх, а именно ускорить судебный процесс, не дожидаясь, пока известия о находке и ее возможной связи с Кукольником станут достоянием публики.

В этот момент Чандлер уже завершала свое часовое выступление, только что подробно осветив применяемые в управлении полиции правила ведения огня. Как показалось Босху, присяжные слушали ее уже не так внимательно. На какое-то время перестал слушать даже Белк, который, сидя рядом с Босхом, листал свои собственные записи и повторял в уме текст предстоящего выступления.

Белк был крупным мужчиной (по мнению Босха, у него насчитывалось килограммов тридцать лишнего веса) и обильно потел даже в достаточно прохладном зале судебных заседаний. Во время отбора присяжных Босх часто думал, что такова реакция Белка на тот груз ответственности, который он взвалил на себя, выступая против Чандлер в присутствии судьи Кейеса. Белку ведь вряд ли больше тридцати,

считал Босх. Максимум пять лет назад он закончил юридический факультет в каком-то средней руки университете, и вот теперь ему приходится сражаться с великой Чандлер.

Внимание Босха вдруг привлекло употребленное Чандлер слово «правосудие». Босх понимал, что Чандлер употребила его не зря и теперь укрепляет свои позиции, произнося это выражение чуть ли не в каждом предложении. В гражданском судопроизводстве слова «правосудие» и «деньги» тесно взаимосвязаны, поскольку означают одно и то же.

– В отношении Нормана Чёрча правосудие свершилось очень быстро. Все это заняло лишь несколько секунд – пока детектив Босх пинком открывал дверь, нацеливал свой блестящий «смит-вессон» и нажимал на спусковой крючок. Пуля, которой детектив Босх казнил мистера Чёрча, обладает повышенной убойной силой. Она проделывает в теле отверстие полуторной ширины, вырывая огромные куски тканей и органов. Именно такая пуля и поразила в сердце мистера Чёрча. В этом и заключалось правосудие.

Босх отметил, что многие из присяжных сейчас смотрят не на Чандлер, а на стол истца. Слегка наклонившись вперед, чтобы не мешала кафедра, он увидел, что Дебора Чёрч вытирает платком льющисея по щекам слезы. Это была полная женщина с короткими темными волосами и маленькими голубыми глазами. До того самого утра, когда Босх убил ее мужа, а в доме появились копы с ордером на обыск и репортеры со своими вопросами, она являлась своего рода олице-

творением классической домохозяйки, благодушной и недалекой. Но когда Чёрч наняла Мани Чандлер и стала называть его убийцей, Босх перестал ее жалеть – а ведь он даже считал ее жертвой!

– Леди и джентльмены! Имеющиеся свидетельства неизбежно докажут, что детектив Босх является продуктом своего учреждения, – продолжала Чандлер, – бессердечной, бесцеремонной машиной, творящей правосудие по своему собственному разумению. Неужели вы хотите, чтобы управление полиции и дальше было именно таким? Или вы захотите хоть как-то исправить допущенные ошибки, защитив права семьи убитого мужа и отца?

В заключение мне бы хотелось процитировать вам одного немецкого философа, Фридриха Ницше, слова которого, написанные около ста лет назад, как мне кажется, тесно связаны с тем, что мы делаем сегодня. «Тот, кто борется с чудовищами, – говорил он, – должен позаботиться о том, чтобы самому не превратиться в чудовище. И когда ты заглядываешь в бездну, бездна тоже заглядывает в тебя...»

Леди и джентльмены, именно в этом и состоит суть нашего дела. Не только детектив Гарри Босх заглядывал в пропасть – в ночь убийства Нормана Чёрча пропасть тоже заглянула ему в душу. Тьма окутала его, и детектив Босх пал. Он стал тем, с кем был призван бороться, – он стал чудовищем. Думаю, представленные вам доказательства не могут не привести вас именно к этому выводу. Благодарю за внимание.

Чандлер села на место и похлопала Дебору Чёрч по руке успокоительным жестом, означаящим что-то вроде «ну-ну, не плачьте!». Босх прекрасно понимал, что этот жест адресован в первую очередь присяжным, а вовсе не вдове.

Посмотрев на бронзовые стрелки настенных часов, красовавшихся над дверью, судья объявил пятнадцатиминутный перерыв, после которого кафедру должен был занять Белк. В этот момент Босх неожиданно заметил, что с отведенной для публики скамьи на него смотрит одна из дочерей Чёрча. На вид ей было лет тринадцать. Очевидно, это старшая, Нэнси. Он быстро отвел взгляд и сразу почувствовал себя виноватым. Интересно, заметил ли это кто-либо из присяжных?

Белк заявил, что перед выступлением ему надо побыть одному. Босху, который с утра ничего не ел, хотелось бы отправиться в расположенный на шестом этаже буфет, но туда вполне мог заглянуть кто-нибудь из присяжных или, что еще хуже, членов семьи Чёрча. Вместо этого он спустился вниз и прошел к стоявшей возле входа урне для мусора. Прислонившись к подножию статуи, он зажег сигарету и только тогда обнаружил, что весь мокрый от пота. Час, в течение которого Чандлер выступала со своей речью, показался ему вечностью, особенно мучительной оттого, что на него словно уставился весь мир. «До конца недели этот костюм не выдержит, – подумал Босх, – надо проверить, в порядке ли другой». Думая о подобных незначительных вещах, он в конце концов немного успокоился.

Он уже вдавил в песок первый окурок и закурил вторую сигарету, когда сделанная из стекла и стали дверь суда неожиданно открылась и из нее показалась Хани Чандлер. Тяжелую дверь она открыла, двигаясь задом наперед, и поэтому сначала не заметила Босха. Оказавшись за дверью, она склонила голову и закурила дорогую сигарету с золотым фильтром. Выпрямившись и выдохнув сигаретный дым, она вдруг увидела Босха и сделала шаг к урне, намереваясь погасить только что зажженную сигарету.

– Все в порядке, – сказал Босх. – По-моему, кроме нас тут только один свидетель.

– Это так, но я не думаю, что нам следует встречаться за пределами здания суда.

Пожав плечами, Босх ничего не сказал. Ход был за ней – при желании она могла уйти. Вместо этого Чандлер сделала еще одну затяжку.

– Вообще-то, я всего на секунду. Нужно уже возвращаться.

Кивнув, он окинул взглядом Спринг-стрит. Перед окружным судом стояла очередь из желающих войти внутрь – через рамку металлоискателя. Опять «люди в лодках». Какой-то бездомный двигался к ним по тротуару, чтобы произвести плановую проверку урны. Не дойдя до здания суда, он, однако, неожиданно повернул обратно и поспешил куда-то в переулок. По пути он лишь однажды неловко обернулся.

– Он меня знает.

Босх вновь перевел взгляд на Чандлер:

– Он вас знает?

– Раньше он был адвокатом, и тогда я его знала: Том, фамилию точно не помню, – кажется, Фарадей. Думаю, он не хотел, чтобы я увидела его таким. Но здесь все знают, что с ним случилось. Это ходячее напоминание о том, что может произойти, когда дела пойдут совсем плохо.

– А что произошло?

– Это долгая история. Возможно, вам ее расскажет ваш адвокат. Можно вас кое о чем спросить?

Босх не ответил.

– Почему город не урегулировал это дело без суда? Родни Кинг, волнения – у полиции сейчас не лучшее время, чтобы затевать такой процесс. Не думаю, что Балк³ – я зову его так, потому что знаю, что он зовет меня Мани, – сумеет его выиграть. А пострадаете вы.

Прежде чем ответить, Босх немного подумал.

– Все это строго между нами, детектив Босх, – предупредила она. – Просто светская беседа.

– Это я велел ему не заключать мирового соглашения. Я сказал ему, что, если он хочет заключить мировую, я найму себе собственного адвоката.

– Вы так уверены в себе? – Она помолчала, сделав затяжку. – Ну что ж, посмотрим.

– Посмотрим.

---

³ *Bulk* – масса, объем (англ.).

– Вы же знаете: тут нет ничего личного.

Он знал, что это ложь – самая большая ложь.

– Только не для вас.

– А для вас? Вы застрелили безоружного человека и принимаете как личную обиду то, что его вдова подает на вас в суд?

– Муж вашей клиентки имел привычку вырезать полоску из сумочки своей жертвы, обвязывать вокруг ее шеи удавку, а затем медленно, но верно ее душить, одновременно насилуя. Он предпочитал кожаные полоски. Его, похоже, совсем не беспокоило, с какой именно женщиной он это делает. Главное, чтобы была кожаная полоска.

Она даже не моргнула – хотя именно этого он и ожидал.

– Покойный муж. Покойный муж моей клиентки. Причем единственное, о чем в этом деле можно сказать с уверенностью, единственное, что доказуемо, – что вы его убили.

– Угу, и сделал бы это снова.

– Я знаю, детектив Босх. Именно поэтому вы здесь.

Сурово поджав губы, она со злостью ткнула сигарету в песок и направилась в здание суда. Входную дверь она распахнула с такой легкостью, словно та была сделана из бальзового дерева.

Глава 4

Около четырех Босх припарковал свою машину возле Голливудского полицейского участка, что находится на Уилкоккс-авеню. Свое вступительное заявление вместо отведенного ему часа Белк уложил в десять минут, и судья Кейес закончил заседание раньше намеченного. Он заявил, что свидетельские показания нужно заслушивать отдельно от вступительных заявлений, иначе присяжные могут перепутать свидетельские показания и слова адвокатов.

Краткость выступления Белка несколько смутила Босха, но адвокат заверил его, что беспокоиться не о чем. Войдя через заднюю дверь, находящуюся возле тюремных камер, Босх прошел по коридору в помещение детективного бюро. К четырем оно обычно пустело. Так было и сегодня, за исключением того, что за одной из пишущих машинок сидел Эдгар и заполнял какой-то отчет, в котором Босх признал 51-ю форму – «Хронологический отчет о проведении расследования». Оторвавшись от своего занятия, он поднял взгляд на Гарри.

– И где же это ты, Гарри? – спросил Эдгар.

– Да прямо здесь.

– Я вижу, вы сегодня рано закончили. Дай-ка я угадаю – судья вынес присяжным свое напутствие, послав Мани Чандлер в глубокий нокдаун.

– Хотелось бы!

– Ну да, я понимаю.

– Что ты здесь делаешь так поздно?

– И вовсе не поздно, – возразил Эдгар, – результатов идентификации пока нет.

Присев за свой стол, Босх ослабил галстук. В кабинете Паундза темно, так что можно спокойно закурить. Из головы по-прежнему не выходил суд и поведение на нем Мани Чандлер. Многие из ее аргументов явно дошли до присяжных. Воздействуя прежде всего на их эмоции, она, по сути дела, назвала Босха убийцей. В ответ Белк изложил целый трактат, в котором обосновывал право полицейского на применение смертоносного оружия. Хотя реальной опасности и не было, говорил Белк, то есть под подушкой не оказалось никакого пистолета, собственные действия Чёрча создали опасную обстановку, заставившую Босха действовать соответствующим образом.

В конце своей речи Белк, в противовес чандлеровскому Ницше, процитировал «Искусство войны» Сунь-цзы. Как сказал Белк, Босх, распахнув дверь в жилище Чёрча, вступил на «землю смерти». В этот момент он должен был сражаться или умереть, стрелять или быть застреленным. Оценивать его действия задним числом было бы несправедливо.

Сейчас, сидя напротив Эдгара, Босх понимал, что это не сработало. Выступление Белка было скучным, тогда как речь Чандлер была интересной и убедительной. С самого начала

они проигрывали в счете. Эдгар вдруг замолчал, и Босх внезапно понял, что пропустил его слова мимо ушей.

– Так что насчет отпечатков? – спросил он.

– Ты меня слушаешь? Я только что сказал, что час назад Донован получил отпечатки. Говорит, что они выглядят неплохо. Сегодня вечером он будет с ними работать и, возможно, к полудню получит какие-то результаты. В любом случае о них не забудут – Паундз распорядился, чтобы это дело считалось первоочередным.

– Ну хорошо, дай мне знать, когда что-нибудь выяснится. Думаю, эту неделю я буду то там, то здесь.

– Не беспокойся, Гарри, о результатах я дам тебе знать. Главное, не нервничай. Слушай, а ты в самом деле взял того, кого надо? У тебя нет никаких сомнений?

– До сегодняшнего дня не было.

– Тогда не волнуйся. Кто прав, тот и силен. Мани Чандлер может затрахать и судью, и всех присяжных, но это ничего не изменит.

– Кто силен, тот и прав.

– Что?

– Да нет, ничего.

Любопытно, размышлял Босх над словами Эдгара, как часто копы сводят угрозу со стороны какой-либо женщины, пусть даже специалиста в своем деле, к одному лишь сексуальному вызову? Наверно, большинство копов рассуждает так же, как Эдгар, полагая, будто именно сексуальность дает

Чандлер какое-то преимущество. Они просто не способны признать, что она чертовски хорошо справляется со своей работой, тогда как защищающий Босха жирный городской прокурор со своим делом справляется плохо.

Поднявшись с места, Босх направился к канцелярскому шкафу. Открыв один из ящиков, он достал оттуда две голубые папки, которые назывались книгами по убийствам. Они были тяжелые и толстые – сантиметров по восемь толщиной. На корешке одной было написано «БИО», на другой – «ДОК». Это были папки из дела Кукольника.

– Утром кто дает показания? – спросил со своего места Эдгар.

– Точно не знаю – судья не требовал от нее оглашать весь список. Повестками вызвали меня, Ллойда и Ирвинга, а также Амадо, координатора от патологоанатомов, и даже Бреммера. Все они должны явиться в суд, и тогда она скажет, кому давать показания завтра, а кому потом.

– «Таймс» не хочет, чтобы Бреммер давал показания. Они всегда против таких вещей.

– Ну да, но он вызван не как репортер «Таймс». Он же написал книгу об этом деле, и она вызвала его как автора. Судья Кейес уже постановил, что неприкосновенность репортера на него не распространяется. Юристы «Таймс», может, и придут поспорить, но судья уже вынес постановление. Бреммер должен дать показания.

– Как мне кажется, она уже переспала с этим типом. Впро-

чем, это не важно. Бреммер не сможет тебе навредить. В своей книге он выставил тебя настоящим героем, который всех спас.

– Еще бы!

– погоди-ка, Гарри! Иди сюда – я хочу тебе кое-что показать.

Подойдя к шкафу, он осторожно снял сверху картонную коробку и поставил ее на стол. По размерам она напоминала картонку для шляп.

– С ней надо поосторожнее. Донован говорит, что эта штука в любой момент может развалиться.

Он снял крышку, и под ней обнаружилась гипсовая маска с изображением женского лица. Лицо было слегка повернуто, так что его правая сторона полностью отпечаталась на гипсовой поверхности, а нижняя часть левой стороны и линия подбородка совершенно отсутствовали. Глаза были закрыты, неправильной формы рот немного приоткрыт, линия волос почти незаметна. Возле правого глаза виднелась значительная припухлость. Все это напоминало классический фриз, который Босх когда-то видел на кладбище или где-то в музее, но красивой эту посмертную маску назвать было нельзя.

– Похоже, этот тип врезал ей в глаз. Смотри, как распухло!

Босх молча кивнул. Смотреть на лицо в коробке было особенно неприятно, даже тяжелее, чем на обычное мертвое тело. Почему – он не знал. Закрыв коробку, Эдгар все так же

осторожно поставил ее на шкаф.

– И что же ты собираешься с этим делать?

– Точно не знаю. Если отпечатки ничего не дадут, это будет единственный способ идентификации. В Нортридже есть один антрополог, который работает по контракту с коронером, – восстанавливает внешность. Обычно он работает со скелетом – вернее, с черепом. Я отвезу это ему, – может, он сможет закончить лицо, натянуть на него светлый парик или еще что-нибудь в этом роде. Он также может раскрасить гипс, придать ему телесный цвет. Возможно, это ничего не даст, но попробовать стоит.

Когда Эдгар вернулся к пишущей машинке, Босх вновь занялся книгами по убийствам. Он было раскрыл папку с надписью «БИО», но вдруг оторвался от нее и стал наблюдать за Эдгаром. Он сам не знал, нравится ему или нет та напористость, с которой тот вел расследование. Когда-то они были напарниками, и Босх, по сути дела, потратил целый год на то, чтобы обучить Эдгара расследованию убийств. Тем не менее он сомневался, что тот как следует усвоил его науку. Эдгар то и дело исчезал, чтобы взглянуть на недвижимость, или устраивал себе двухчасовой обед. Кажется, он не понимал, что расследование убийств – не просто работа, а призвание. Для тех, кто совершает убийство, это своего рода искусство; точно так же это искусство для тех, кто его расследует. Такую работу не выбирают – она сама выбирает тебя.

Учитывая все это, Босху было трудно допустить, что Эд-

гар проявляет такое рвение исключительно из благородных побуждений.

– Что ты там рассматриваешь? – спросил Эдгар, не отрывая взгляда от пишущей машинки и не переставая печатать.

– Ничего. Просто немного задумался об этом деле.

– Не беспокойся, Гарри! Все будет в порядке.

Загасив сигарету в пластмассовой чашке с остатками кофе, Босх зажег новую.

– Если Паундз распорядился считать это дело первоочередным – он что, будет платить сверхурочные?

– Именно так, – с улыбкой сказал Эдгар. – Ты видишь перед собой человека, чья голова полностью забита сверхурочной работой.

«Что ж, по крайней мере, он этого не скрывает», – подумал Босх. Довольный тем, что его прежние представления об Эдгаре еще раз подтвердились, он вновь вернулся к книге по убийствам. Толстая пачка отчетов разделялась одиннадцатью закладками, на каждой из которых было написано имя одной из жертв Кукольника. Босх начал листать страницы дела, рассматривая фотографии с каждого места преступления и изучая биографические данные каждой жертвы.

Все убитые женщины занимались примерно одним и тем же: это были уличные проститутки, подвизающиеся в качестве «эскорта» высококлассные штучки, стриптизерши, подрабатывающие на стороне порноактрисы. Несомненно, Кукольник неплохо ориентировался на городском дне. Своих

жертв он находил с той же легкостью, с какой те соглашались уйти с ним в темноту. Здесь есть какая-то закономерность, вспомнил Босх слова приставленного к группе психолога.

Тем не менее группа, занимавшаяся делом Кукольника, так и не нашла у жертв никакого внешнего сходства. Здесь были блондинки и брюнетки, женщины плотного телосложения и тощие наркоманки; шесть белых, две латиноамериканки, две азиатки и одна черная. В общем, никакой системы. В этом отношении Кукольник был неразборчив; единственное, что объединяло этих женщин, – то, что каждая из них оказалась в отчаянном положении, когда выбора нет и остается только пойти с незнакомцем. Психолог еще сказал, что все эти женщины похожи на раненую рыбу, подающую неслышимый для человека сигнал, который в конце концов привлекает внимание акул.

– Она была белой? – спросил он у Эдгара.

Эдгар прекратил печатать.

– Ну да, коронер так и сказал.

– Значит, вскрытие уже произвели? И кто же его делал?

– Да нет, вскрытие будут делать завтра или послезавтра, но Коразон взглянула на тело, когда мы его привезли. Она и предположила, что трупачка была белой. А что?

– Да нет, ничего. Блондинкой?

– Угу, по крайней мере, в момент смерти. Крашенная блондинка. Если ты хочешь спросить, Гарри, искал ли я среди пропавших четыре года назад белую крашеную блондинку,

то иди ты сам знаешь куда. Хотя мне и заплатят сверхурочные, но под это описание подпадает сотни три или четыре, не меньше. И я вовсе не собираюсь этим заниматься, если завтра мне по отпечаткам могут точно сообщить ее имя. К чему терять время?

– Я понимаю. Я просто хочу...

– Ты просто хочешь получить кое-какие ответы – как и все мы. Но иногда, мой друг, на это нужно какое-то время.

Эдгар снова начал печатать, и Гарри вновь обратился к своей папке. Из головы, однако, не выходило лицо в коробке. Ни имени, ни занятия – об этой женщине ничего не было известно. Тем не менее что-то ему подсказывало, что она каким-то образом укладывается в схему Кукольника. Была в этом лице какая-то суровость, говорившая о том, что жертве некуда было деваться.

– После моего ухода в бетоне еще что-нибудь нашли?

Прекратив печатать, Эдгар громко вздохнул и покачал головой:

– А что ты имеешь в виду – что-нибудь вроде той пачки из-под сигарет?

– Возле остальных Кукольник оставлял их сумочки. Он вырезал из них полоски, чтобы задушить свою жертву, но, когда он ее выбрасывал, мы всегда находили неподалеку сумочки и одежду. Единственное, что пропадало, – это косметика. Косметику он всегда уносил с собой.

– На этот раз больше ничего не нашли – по крайней мере,

в бетоне. Может, эти вещи были спрятаны на складе и потом сгорели, или их украли. О чем ты думаешь, о подражателе?

– Еще бы!

– Угу, я тоже.

Кивнув, Босх извинился перед Эдгаром за то, что помешал, и вновь вернулся к изучению отчетов. Через несколько минут Эдгар вытащил бланк из машинки и подошел к «столу убийств». Там он сунул бланк в новую тощую папку и положил в стоящий за его спиной канцелярский шкаф. После этого он приступил к исполнению своего ежедневного ритуала, разговаривая по телефону с женой и одновременно поправляя на столе бумаги и записи. Пришлось вот немного задержаться, говорил он. Слушая его слова, Босх невольно вспомнил Сильвию Мур и их собственные домашние ритуалы.

– Я ухожу, Гарри, – повесив трубку, сказал Эдгар.

Босх кивнул.

– Так чего же ты здесь околачиваешься?

– Сам не знаю. Просто просматриваю эту писанину, чтобы знать, что завтра говорить.

Это была ложь. Чтобы освежить свои воспоминания о Кукольнике, ему вовсе не нужно было просматривать книги по убийствам.

– Надеюсь, ты порвешь Мани Чандлер.

– Скорее, она меня. Она знает свое дело.

– Ну, я пошел. Увидимся.

– Эй, послушай, если завтра ты узнаешь имя, звякни мне на пейджер, или еще что-нибудь в этом роде.

Когда Эдгар ушел, Босх посмотрел на часы – было ровно пять – и включил телевизор, стоявший на шкафу рядом с той самой коробкой. Дожидаясь своего сюжета, он снял трубку и набрал домашний номер Сильвии:

– Сегодня я отсюда не выберусь.

– А что случилось? Как прошли вступительные заявления?

– Суд здесь ни при чем. Тут объявилось еще одно дело. Сегодня нашли новое тело, и очень похоже, что это работа Кукольника. В участке оставили записку. В сущности, там говорится, что я убил не того, кого нужно. Что настоящий Кукольник все еще на свободе.

– Это может быть правдой?

– Не знаю. До сегодняшнего дня у меня никаких сомнений не было.

– А как же...

– Минуточку, тут сюжет в новостях. По второму каналу.

– Я включу.

Каждый по своему телевизору, они смотрели сюжет, который показывали в раннем выпуске новостей. О Кукольнике не упоминали вообще. Сначала показали съемку с воздуха, затем голос Паундза объявил, что известно пока очень мало, тело было найдено по анонимной записке. Увидев испачканный лоб Паундза, Гарри и Сильвия вместе посмеялись, и

Босху сразу как-то полегчало.

Когда сюжет закончился, Сильвия вновь стала серьезной:

– Значит, он ничего не сказал прессе.

– Ну, нужно же было во всем удостовериться. Нужно сначала решить, что именно происходит. Был ли это он сам или какой-то подражатель... а может, у него был сообщник, о котором мы ничего не знаем.

– И когда же ты узнаешь, в каком направлении надо идти?

Иными словами, когда ему станет известно, не убил ли он невиновного.

– Не знаю, вероятно, завтра. Вскрытие даст возможность кое-что прояснить. Но, только установив личность, можно будет сказать, когда именно она умерла.

– Не волнуйся, Гарри! Я уверена, что это не Кукольник.

– Спасибо, Сильвия.

Ее безоговорочная лояльность – это просто прекрасно, подумал Босх. И тут же почувствовал себя виноватым, поскольку никогда не был полностью откровенным с ней даже в том, что касалось их обоих. Именно он.

– Ты так и не сказал, как прошли сегодня дела в суде и почему ты не можешь отсюда вырваться.

– Из-за этого нового дела. Оно имеет ко мне отношение... так что мне хотелось бы над ним подумать.

– Ну, думать ты можешь где угодно.

– Ты знаешь, что я хочу сказать.

– Знаю. А как суд?

– Думаю, все идет хорошо. Сегодня были только вступительные заявления, а завтра начнут давать показания. Но это новое дело... Оно может все изменить.

Он пощелкал пультом, но на других каналах сюжет о найденном теле, вероятно, уже прошел.

– Ну а что говорит твой адвокат?

– Ничего не говорит. Он знает об этом ничего не хочет.

– Что за чушь!

– Он просто хочет побыстрее провести это дело, надеясь, что, если Кукольник или его сообщник все еще гуляет на свободе, до конца процесса это не успеет подтвердиться.

– Но это же неэтично! Даже если улика в пользу истца, разве он не должен представить ее суду?

– Должен – если он о ней знает. Вот поэтому он и не желает о ней знать. Так ему спокойнее.

– А когда ты должен давать показания? Я хочу поприсутствовать. Я могу взять отгул и прийти.

– Не надо. Не беспокойся. Это же чистая формальность. Я не хочу, чтобы ты знала об этом больше, чем сейчас.

– Почему? Это же твоя история.

– Не моя. Это его история.

Сказав, что позвонит завтра, он повесил трубку и долго смотрел на стоявший перед ним телефон. Уже почти год он проводил с Сильвией Мур три-четыре ночи в неделю. И хотя именно Сильвия заговорила о том, чтобы упрочить отношения и даже выставила на продажу собственный дом, Босх

никогда сам не касался этого вопроса, боясь разрушить существующее хрупкое равновесие.

А может, сейчас он как раз и разрушает его? Он ведь ее обманул. В некоторой степени он и вправду вовлечен в это дело, но ведь он уже все закончил и теперь собирается домой. Он обманул ее потому, что ему вдруг захотелось побыть одному. Наедине со своими мыслями. Наедине с Кукольниковом.

Он просмотрел вторую папку – до самого конца, где находились прозрачные пластиковые пакетики для хранения документальных доказательств. В них лежали копии предыдущих писем Кукольника. Всего их было три. Убийца начал присылать их после того, как в прессе началась буря и он был окрещен Кукольниковом. Одно из них Босх получил перед одиннадцатым, последним, убийством. Два других пришли к Бреммеру из «Таймс» после седьмого и одиннадцатого. Сейчас Гарри изучал фотокопию адресованного ему конверта с написанными на нем заглавными буквами. Затем он перевел взгляд на сложенный листок с поэмой. Она тоже была написана такими же печатными буквами со странным наклоном. Босх прочитал слова, которые уже и без того знал наизусть:

Предупреждаю: сегодня я выйду перекусить.

Мне пора мой голод, мою страсть утолить.

Новая куколка в моей коллекции – очень неплохо!

В нее изольюсь я с ее последним вдохом.

Извиваясь на шпиле моем, прекрасная юная леди

Маму и папу зовет, а может быть, просто бредит.

А когда затянется туго кожи полоска,
Ее последним выдохом будет: «Босххх!»

Закрыв папки, Босх положил их к себе в портфель, затем выключил телевизор и направился к автостоянке. Выходя наружу, он придержал дверь перед двумя копами, тащившими за собой скованного пьяницу. Пьяница попытался лягнуть его ногой, но Гарри спокойно отступил в сторону.

Направив «каприс» к северу, он по Аутпост-роуд проехал к Малхолланду, затем свернул к Вудро-Вильсон-драйв. Въехав на автостоянку, он долго сидел, не снимая рук с руля. Он думал о письмах и о тех подписях, которые Кукольник оставлял на теле каждой из жертв, – маленьком крестике, нарисованном на пальце ноги. После того как Чёрч умер, они поняли, что это означает. Крестик – это и есть шпиль. Шпиль Церкви⁴.

---

⁴ Church – церковь (англ.).

Глава 5

На следующее утро Босх сидел на заднем крыльце своего дома и смотрел, как над ущельем Кауэнга-Пэсс восходит солнце. Разогнав утренний туман, оно озарило своими лучами заросший полевыми цветами склон холма, выгоревшего позапрошлой зимой. Глядя на окружающий мир, Босх курил и пил кофе до тех пор, пока шум транспорта, проезжающего по шоссе, не слился в один сплошной гул.

Поверх белой рубашки с воротником на пуговицах он надел синий костюм. Повязывая перед зеркалом красно-коричневый галстук, испещренный рисунком в виде золотых гладиаторских шлемов, Босх размышлял о том, какое впечатление он производит на присяжных. Днем раньше он заметил, что все они поспешно отводят от него глаза. Что бы это значило? Ему хотелось спросить об этом Белка, но Белк ему не нравился, и Босх понимал, что будет неудобно спрашивать его мнение о чем бы то ни было.

Продев галстук в старый узел, он закрепил его серебряным зажимом с надписью «187» – номер статьи «за убийство» в уголовном кодексе Калифорнии. Пластмассовой расческой он пригладил еще влажные после душа волосы, каштановые с проседью, затем расчесал усы. Закапав в глаза капли, Босх наклонился к зеркалу, чтобы как следует на себя посмотреть. Глаза были красными от недосыпания, радуж-

ные оболочки – темными, как лед на асфальте. «Почему же они отводят взгляд?» – опять подумал он. И вспомнил, как Чандлер о нем вчера отозвалась. Теперь он знал почему.

Держа в руке кейс, Босх двинулся к двери, но прежде, чем он успел до нее дойти, та неожиданно открылась. Вытащив ключ из замка, в комнату вошла Сильвия.

– Привет! – увидев его, сказала она. – Я как раз надеялась тебя поймать.

И улыбнулась. На ней были брюки цвета хаки и розовая рубашка. Босх знал, что по вторникам и четвергам она не носит платьев, так как на эти дни выпадает ее очередь дежурить на школьном дворе. Иногда ей приходится гоняться за учащимися, иногда – разнимать драки. Лучи солнца придавали ее светлым волосам золотистый оттенок.

– На чем поймать?

Все еще улыбаясь, она подошла поближе, и они поцеловались.

– Я понимаю, что ты из-за меня опаздываешь. Я тоже сейчас опаздываю, но мне просто захотелось пожелать тебе удачи. Хотя ты в ней и не нуждаешься.

Он обнял Сильвию и вдохнул запах ее волос. Они встречались уже почти год, но иногда Босх все еще боялся, что она вдруг повернется и уйдет, объявив, что их отношения были ошибкой. Возможно, он все еще заменял ей потерянного мужа – такого же копа, как и сам Гарри, детектива из подразделения по борьбе с наркотиками, чье загадочное са-

моубийство Босху некогда пришлось расследовать.

Их отношения были абсолютно комфортными для обоих, но в последние недели Босх ощущал в них какую-то инерцию. Сильвия тоже это чувствовала и даже как-то раз попыталась об этом заговорить. По ее словам, проблема заключалась в том, что он не может полностью расслабиться, и Босх знал, что это правда. До сих пор он жил один, но не в одиночестве. У него есть свои тайны, многие из которых запряты слишком глубоко, чтобы ими можно было с ней поделиться. По крайней мере, сейчас.

– Спасибо, что заглянула, – отстранившись, сказал он и посмотрел ей в лицо, желая убедиться, что оно все еще сияет. На переднем зубе виднелось пятнышко от губной помады. – Ты там поосторожнее – у себя в школе.

– Ладно. – Она вдруг нахмурилась. – Я помню, что ты говорил, но я все равно хочу побыть на процессе – хотя бы один день. Я хочу быть там с тобой, Гарри.

– Чтобы там быть, тебе совсем не обязательно там быть. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Она кивнула, но он знал, что его ответ ее не удовлетворил. Оставив эту тему, они немного поболтали насчет сегодняшнего ужина. Босх пообещал, что приедет к ней в Букет-каньон. Снова поцеловавшись, они вышли из дома и направились в разные стороны: он в суд, она в школу – и там, и здесь было небезопасно.

По утрам, перед началом судебного заседания, в зале устанавливается напряженная тишина – все ждут появления судьи. На сей раз даже в десять минут десятого судья все еще не появлялся, что было довольно необычно, поскольку за неделю отбора присяжных он зарекомендовал себя как человек чрезвычайно пунктуальный. Оглядевшись по сторонам, Босх заметил нескольких репортеров, – пожалуй, сегодня их было побольше, чем вчера. Любопытно, ведь вступительные речи уже закончились.

– Кейес, вероятно, читает статью в «Таймс», – наклонившись к Босху, прошептал Белк. – Вы сами-то ее видели?

Из-за Сильвии у Босха не было времени прочитать газету – она так и осталась лежать под дверью.

– А что там говорится?

Прежде чем Белк успел ответить, обшитая деревянными панелями дверь отворилась, вошел судья.

– Задержите пока присяжных, мисс Ривера, – сказал он секретарю. Опустившись в мягкое кресло, судья обвел взглядом аудиторию и сказал: – Ну что, адвокаты, есть у вас какие-либо темы для обсуждения до того, как мы введем присяжных? Миз Чандлер?

– Да, ваша честь, – подойдя к кафедре, сказала Чандлер. Сегодня она была в сером костюме. С тех пор как начался отбор присяжных, она попеременно надевала один из трех своих костюмов. Как говорил Белк, это делается для того, чтобы присяжные не считали ее богатой. По его словам, обилие

нарядов у женщины-адвоката не вызывает симпатии женщин-присяжных. – Ваша честь, истец просит наказать детектива Босха и мистера Белка.

Она подняла вверх сложенный раздел «Таймс». Так же как и вчера, статья занимала нижний правый угол газетной полосы. Заголовок гласил: «БЛОНДИНКА В БЕТОНЕ СВЯЗАНА С КУКОЛЬНИКОМ». Белк встал, но ничего не сказал, соблюдая введенный судьей строгий запрет прерывать соперника.

– За что именно, миз Чандлер? – спросил судья.

– Ваша честь, вчерашнее обнаружение этого тела имеет для данного дела огромное значение. Как представитель судебной власти, мистер Белк должен был довести до нас эту информацию. Согласно пункту номер одиннадцать, адвокат ответчика обязан...

– Ваша честь, – прервал ее Белк, – о таком развитии ситуации я узнал лишь вчера вечером и намеревался поднять этот вопрос сегодня утром. Она же...

– Подождите, мистер Белк! В этом зале все выступают по одному, – кажется, вам нужно каждый день об этом напоминать. Миз Чандлер, я читал ту статью, на которую вы ссылаетесь, и хотя детектив Босх действительно упоминается в связи с этим делом, на него никто не ссылается. А мистер Белк довольно резко указал сейчас на то, что сам он ничего не знал до окончания вчерашнего заседания. По правде говоря, я не вижу здесь оснований для каких-либо санкций.

Разве что у вас в рукаве есть козырная карта, о которой мы еще не знаем.

Такая карта у нее была.

– Ваша честь, детектив Босх прекрасно знал о таком развитии событий – пусть даже никто на него не ссылается. Во время обеденного перерыва он побывал на месте преступления.

– Ваша честь! – робко позвал Белк.

Судья Кейес повернулся, но посмотрел не на Белка, а на Босха.

– Это правда, детектив Босх, – то, что она говорит?

Босх коротко посмотрел на Белка, затем поднял взгляд на судью. «Черт бы побрал этого Белка, – подумал он. – Из-за его вранья теперь придется отдуваться».

– Я был там, ваша честь. Но когда после перерыва я снова вернулся сюда, у меня не было времени сообщить о находке мистеру Белку. Я рассказал ему о ней только после заседания. Сегодня утром я еще не видел газеты и не знаю, что там говорится, но в отношении тела ничего еще не ясно – виноват здесь Кукольник или кто-то другой. Тело даже не идентифицировано.

– Ваша честь, – сказала Чандлер, – детектив Босх, кажется, забыл, что во время вечернего заседания у нас был пятнадцатиминутный перерыв. Мне кажется, у него было достаточно времени, чтобы снабдить своего адвоката столь важной информацией.

Судья посмотрел на Босха:

– Я пытался ему рассказать, но мистер Белк сказал, что ему нужно готовиться к вступительной речи.

Несколько секунд судья молча смотрел на Босха, и тот был уверен, что судья обо всем догадывается. Сейчас он, кажется, вырабатывал какое-то определенное решение.

– Ну, миз Чандлер, – наконец сказал он, – я вовсе не вижу здесь того заговора, какой видите вы. Я не буду применять никаких санкций, но хочу предупредить все стороны: в этом зале сокрытие доказательств является наиболее тяжким из всех преступлений. Если вы это сделаете и я вас поймаю, вы пожалеете о том, что занялись юриспруденцией. А теперь давайте поговорим об этой новой ситуации.

– Ваша честь, – быстро сказал Белк и пошел к кафедре, – в свете этой находки я прошу отсрочки для тщательного исследования возникшей ситуации, с тем чтобы можно было точно определить, что это значит для данного дела.

Он все же просит, подумал Босх, понимая, что отсрочку сейчас получить невозможно.

– Гм! – сказал судья Кейес. – А вы что думаете об этом, миз Чандлер?

– Никаких отсрочек, ваша честь. Эта семья четыре года ждала этого процесса. Думаю, любая отсрочка просто увековечит совершенное преступление. Кроме того, кто, по мнению мистера Белка, будет расследовать это дело – детектив Босх?

– Уверен, что адвокат защиты будет удовлетворена тем, что расследованием занимается УПЛА, – сказал судья.

– Но я совсем этим не удовлетворена!

– Я знаю, что вы не удовлетворены, миз Чандлер, но это уже ваша проблема. Вы сами вчера говорили, что в этом городе подавляющее большинство полицейских – хорошие, компетентные люди. Вы что же, противоречите сами себе? Просьбу об отсрочке я намерен отклонить. Если мы начали процесс, то уже не остановимся. Полиция может и должна расследовать этот вопрос и держать суд в курсе дела, но сам я останавливаться не собираюсь. Это дело будет продолжаться, пока не возникнет необходимость снова поднять данную тему. Что-нибудь еще? Я заставляю присяжных ждать.

– А как насчет той статьи в газете? – спросил Белк.

– А что с ней такое?

– Ваша честь, я хотел бы, чтобы присяжных опросили на предмет того, читали ли они эту статью. Кроме того, их нужно вновь предупредить не читать сегодня вечером газеты и не смотреть новости по телевидению. Все каналы, вероятно, будут рассказывать о статье в «Таймс».

– Вчера я проинструктировал присяжных, чтобы они не читали газеты и не смотрели новости, но я все равно собираюсь опросить их относительно этой конкретной статьи. Давайте посмотрим, что они скажут, и тогда, в зависимости от того, что мы услышим, можно будет снова их отсеять – в случае, если вы захотите поговорить о неправильном судебном

разбирательстве.

– Мне вовсе не нужно неправильное судебное разбирательство, – сказала Чандлер. – Этого как раз хочет защита. Тогда дело затянется еще на два месяца. Эта семья уже и так четыре года ждала справедливости. Они...

– Ну давайте все же посмотрим, что скажут присяжные. Извините, что прерываю, миз Чандлер.

– Ваша честь, можно мне сказать насчет санкций? – спросил Белк.

– В этом нет необходимости, мистер Белк. Я отклонил ее ходатайство насчет санкций. О чем тут еще говорить?

– Я знаю, ваша честь. Я хотел бы попросить о применении санкций к мисс Чандлер. Она опорочила меня, обвинив в сокрытии доказательств, и я...

– Сядьте, мистер Белк. Хочу еще раз предупредить вас обоих, чтобы вы прекратили эту ненужную перепалку, – со мной это ни к чему хорошему не приведет. Так что никаких санкций. В последний раз спрашиваю: есть у вас что-нибудь еще?

– Да, ваша честь, – сказала Чандлер.

У нее была еще одна карта. Вытащив из-под блокнота какой-то документ, она подошла к секретарю, и та передала его судье. Чандлер вернулась за кафедру.

– Ваша честь, я приготовила повестку для управления полиции и хотела бы, чтобы это было отмечено в протоколе. Я прошу, чтобы копия записки, о которой говорится в статье

«Таймс», – записки, написанной Кукольником и полученной вчера, – была передана мне как вновь обнаруженное доказательство.

Белк вскочил на ноги.

– Подождите, мистер Белк! – предостерег его судья. – Дайте ей договорить.

– Ваша честь, это доказательство по данному делу. Его нужно немедленно приобщить.

Судья Кейес кивнул Белку, и помощник городского прокурора неуклюже двинулся к кафедре. Чандлер пришлось посторониться, чтобы дать ему дорогу.

– Ваша честь, эта записка ни в коей мере не является доказательством по данному делу. Автор ее неизвестен. Кроме того, это улика по делу об убийстве, никак не связанному с данными слушаниями. К тому же не в практике УПЛА демонстрировать свои улики в открытом суде, пока подозреваемый все еще на свободе. Я прошу отклонить это ходатайство.

Стиснув руки, судья Кейес немного подумал.

– Вот что я вам скажу, мистер Белк. Вы получите копию записки и принесете ее сюда. Я взгляну на нее и тогда решу, стоит ли ее приобщать как доказательство по данному делу. На этом все. Миз Ривера, вводите, пожалуйста, присяжных, а то мы так все утро потеряем.

Когда присяжные снова оказались на своей скамье и все уселись, судья Кейес спросил, смотрел ли кто-нибудь ново-

сти, связанные с данным делом. Никто из присяжных на это не отреагировал. Босх знал, что если кто-то и видел этот сюжет, то все равно ни в чем не признается. Такое признание равносильно немедленному выводу из состава присяжных и возвращению в зал ожидания, где каждая минута кажется часом.

– Прекрасно, – сказал судья. – Вызывайте вашего первого свидетеля, миз Чандлер.

Терри Ллойд занял место для дачи свидетельских показаний с таким видом, будто оно ему столь же привычно, как кресло, в котором он выпивает по вечерам перед телевизором. Он даже без всякой помощи секретаря отрегулировал стоящий перед ним микрофон. У Ллойда был нос пьяницы и необычно темные для мужчины его возраста, то есть примерно шестидесяти лет, русые волосы. Причина такого странного явления была ясна всем, кроме, вероятно, самого Ллойда, – он носил парик. Чандлер задала ему несколько предварительных вопросов, из ответов на которые следовало, что Ллойд служит лейтенантом в элитном отделе ограблений и убийств лос-анджелесского управления полиции.

– Являлись ли вы в последние четыре с половиной года руководителем специальной группы детективов по розыску серийного убийцы?

– Да, являлся.

– Можете ли вы рассказать присяжным, как она возникла и как функционировала?

– Группа была создана после того, как было установлено, что один и тот же убийца совершил пять убийств. В управлении нас неофициально называли «группой по вестсайдскому душителю». После того как об этом прослышала пресса, убийцу стали называть Кукольником – потому что он раскрашивал лица своих жертв их собственной косметикой. В этой группе у меня было восемнадцать детективов. Мы разделили их на две бригады, А и Б. Бригада А работала днем, бригада Б – ночью.

Мы расследовали вновь происшедшие убийства и реагировали на сигналы. Когда эта информация попала в прессу, мы получали, пожалуй, сотню звонков в неделю – люди сообщали, что тот или иной парень и есть Кукольник. Нам приходилось все это проверять.

– Независимо от того, как она называлась, эта спецгруппа все же не достигла успеха, не так ли?

– Нет, мэм, вы ошибаетесь. Мы достигли успеха и взяли убийцу.

– И кто же это был?

– Убийцей был Норман Чёрч.

– Был ли он идентифицирован в этом качестве до или после того, как был убит?

– После. Он подходил по всем параметрам.

– И это было выгодно управлению?

– Не понимаю.

– Управлению было выгодно, чтобы вы смогли связать его

с этими убийствами. В противном случае вы бы...

– Задавайте вопросы, миз Чандлер, – прервал ее судья.

– Извините, ваша честь. Лейтенант Ллойд, человек, который, как вы утверждаете, был убийцей, то есть Норман Чёрч, сам был убит только тогда, когда (уже после создания группы) произошло еще шесть убийств. Это так?

– Так.

– Что позволило ему задушить еще шесть женщин. Как же ваше управление может считать это успехом?

– Мы ничего ему не позволяли. Мы делали все, что могли, чтобы выследить этого преступника. И в конце концов выследили. По моему мнению, это как раз является успехом. Большим успехом.

– По вашему мнению. Скажите, лейтенант Ллойд, всплыло ли имя Нормана Чёрча до того момента, когда он, безоружный, был застрелен детективом Босхом? Хотя раз оно упоминалось?

– Нет, не упоминалось. Но мы связали...

– Будьте добры, отвечайте только на вопросы, которые я задаю, лейтенант.

И Чандлер углубилась в свой желтый блокнот⁵. Босх заметил, что Белк попеременно делает пометки в одном блокноте и записывает вопросы в другом.

---

⁵ Имеются в виду так называемые «блокноты юристов» (в романе ими пользуются оба адвоката) – размером 8,5 на 14 дюймов (21,6 на 35,6 см), без обложки, с отрывными страницами из желтой линованной бумаги.

– Ну хорошо, лейтенант, – сказала Чандлер, – ваша спецгруппа поймала предполагаемого преступника – как вы его называете – только после того, как он убил еще шестерых. Будет ли справедливо сказать, что на вас и ваших детективов оказывалось сильное давление, чтобы поймать его и закрыть это дело?

– Да, давление оказывалось.

– С чьей стороны? Кто давил на вас, лейтенант Ллойд?

– Ну, на нас давили газеты, телевидение. На меня еще давило управление.

– И как это происходило? Я имею в виду управление. Вы совещались со своими начальниками?

– У нас ежедневно проходили совещания с капитаном отдела ограблений и убийств и еженедельно, по понедельникам, с шефом полиции.

– И что они говорили вам насчет этого дела?

– Говорили, что надо поскорее решить эту проблему. Ведь люди умирали. Мне не надо было об этом напоминать, но они все равно напоминали.

– И вы передавали все это детективам из спецгруппы?

– Конечно. Но им тоже не надо было этого говорить. Эти ребята смотрели на тела убитых всякий раз, когда их находили. Было очень тяжело, и они очень хотели взять этого парня. Так что им не нужно было читать об этом в газетах или выслушивать нотации от шефа или даже от меня.

Ллойд, кажется, собирался развивать свою любимую те-

му насчет копа – одинокого охотника. Босх видел, что он, сам того не понимая, предоставляет Чандлер возможность загнать себя в ловушку. В конце процесса она будет доказывать, что Босх и прочие копы находились под таким сильным давлением, что Босх убил Чёрча, а потом они сфабриковали его связь с убийствами. Теория козла отпущения. Сейчас Гарри очень хотелось крикнуть Ллойд, чтобы тот заткнулся.

– Значит, все в группе знали, что от них требуют найти какого-нибудь убийцу?

– Не какого-нибудь, а конкретного. Да, давление было, но такова уж наша работа.

– А какую роль играл в группе детектив Босх?

– Он был у меня старшим в бригаде Б. Он работал в ночную смену. Он был детективом третьего класса, так что командовал за меня во время моего отсутствия, а такое бывало частенько. В принципе я был вольным стрелком, но обычно работал в дневную смену, в бригаде А.

– Вы не помните, говорили ли вы детективу Босху: «Нам надо взять этого парня», или что-нибудь в этом роде?

– Специально не говорил. Хотя такого рода слова я говорил на совещаниях группы и он там присутствовал. Но ведь это же и было нашей целью, и ничего плохого я здесь не вижу. Мы должны были взять этого парня. Будет похожая ситуация – я скажу это снова.

Босху показалось, что Ллойд старается ему отплатить за

то, что он испортил ему представление и закрыл дело без него. Похоже, его слова объяснялись не столько врожденной глупостью, сколько откровенной злобой.

– Он гадит мне за то, что это не он застрелил Чёрча, – наклонившись к Белку, прошептал Босх.

В ответ Белк приложил палец к губам, подавая Гарри знак помолчать, и снова начал писать.

– Вы когда-нибудь слышали об отделе поведенческой науки ФБР? – спросила Чандлер.

– Да, слышал.

– И чем они занимаются?

– Среди прочих вещей они изучают серийных убийц. Составляют психологические портреты, психологические портреты жертв, дают советы и так далее.

– У вас было одиннадцать убийств. И какой же совет вам дал отдел поведенческой науки?

– Никакого.

– А почему? Они что, не смогли ничего ответить?

– Нет, мы к ним не обращались.

– Ах вот как! И почему же вы к ним не обращались?

– Ну, видите ли, мэм, мы полагали, что сами с этим справимся. Мы сами разработали эти портреты и не считали, что ФБР может нам особенно помочь. Нам помогал судебный психолог, доктор Локке из Университета Южной Калифорнии, он раньше был консультантом ФБР по сексуальным преступлениям. Мы воспользовались его опытом, и еще ему

помогал штатный психиатр управления. Мы считали, что в этом плане у нас все в порядке.

– А ФБР предлагало вам свою помощь?

Ллойд заколебался. Кажется, он наконец понял, куда она клонит.

– Ну, гм, да, кто-то звонил оттуда, когда дело получило широкий резонанс в прессе. Они хотели принять участие. Я сказал, что у нас все хорошо и помощь не нужна.

– А сейчас вы сожалеете об этом решении?

– Нет. Я не думаю, что ФБР сработало бы лучше нас. Обычно они участвуют в тех делах, которые ведут небольшие управления, или в делах, которые вызвали громкий отклик прессы.

– А вы не думали о том, насколько это правильно и справедливо?

– Что?

– Я имею в виду такой вот узковедомственный подход, – так, кажется, это называется. Вы ведь не хотели, чтобы ФБР пришло и захватило бразды правления, верно?

– Да нет же! Как я уже сказал, мы и без них прекрасно справлялись.

– Верно ли, что УПЛА и ФБР издавна относятся друг к другу с завистью и подозрением, в результате чего эти два ведомства редко общаются или работают вместе?

– Нет, я в это не верю.

Верит он в это или нет, не имело особого значения. Босх

понимал, что в глазах присяжных Чандлер сейчас набрала очки. Единственное, что имело значение, – верят ли в это *они*.

– Значит, ваша спецгруппа составила портрет подозреваемого, это верно?

– Да. По-моему, я об этом уже упоминал.

Тогда Чандлер спросила у судьи Кейеса, может ли она ознакомить свидетеля с документом, который со стороны истца является вещественным доказательством номер 1А. Она отдала бумагу секретарю, которая подала ее Ллойду.

– Что это, лейтенант?

– Это фоторобот и психологический портрет подозреваемого, который мы составили, кажется, после седьмого убийства.

– А каким же образом вы составили этот фоторобот?

– Между седьмой и восьмой жертвой был случай, когда намеченная жертва сумела спастись. Она убежала от этого человека и вызвала полицию. Работая с этой пострадавшей, мы и составили его примерный портрет.

– Хорошо. Вы знакомы с внешностью Нормана Чёрча?

– Не очень хорошо. Я видел его только после смерти.

Чандлер снова спросила разрешения у судьи и передала Ллойду доказательство номер 2А – несколько фотографий Нормана Чёрча, скрепленных вместе на одном куске картона. Свидетелю она предоставила несколько секунд для того, чтобы он с ними ознакомился.

– Вы наблюдаете какое-нибудь сходство между примерным портретом и фотографиями мистера Чёрча?

– Как известно, убийца умел изменять свой облик, а наша свидетельница – жертва, которая убежала, – была наркоманкой. Она порноактриса. Она ненадежна как свидетель.

– Ваша честь, можете ли вы дать распоряжение свидетелю, чтобы он отвечал на заданные ему вопросы?

Судья так и поступил.

– Нет, – сказал Ллойд, склонив голову после внушения. – Сходства здесь нет.

– Хорошо, – сказала Чандлер, – вернемся тогда к психологическому портрету, который у вас есть. Откуда он взялся?

– В основном его разрабатывали доктор Локке из Университета Южной Калифорнии и доктор Шейфер, штатный психиатр. Думаю, перед тем, как его составить, они консультировались с кем-то еще.

– Вы можете прочитать вот этот первый параграф?

– Да. Здесь сказано: «Предположительно данный субъект является белым мужчиной в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти лет, с минимальным специальным образованием. Он физически силен, хотя его телосложение может не быть крупным. Он живет один, в отдалении от семьи и друзей. К женщинам относится с глубокой ненавистью, что наводит на мысль о жестокой матери или женщине-опекуне. Раскрашивание лица жертвы косметикой является попыткой создать из женщины тот образ, который ему нравится, ко-

торый улыбается ему. Не представляя больше угрозы, она превращается в куклу». Вы хотите, чтобы я прочитал раздел, где перечислены повторяющиеся особенности каждого убийства?

– Нет, в этом нет необходимости. Вы ведь участвовали в расследовании после того, как Босх убил мистера Чёрча?

– Участвовал.

– Перечислите присяжным все те особенности психологического портрета подозреваемого, которые, как выяснила ваша спецгруппа, совпали с данными мистера Чёрча.

Ллойд долго смотрел на лист бумаги, который держал в руках, и ничего не говорил.

– Я помогу вам начать, лейтенант, – сказала Чандлер. – Он белый мужчина, правильно?

– Да.

– Что еще совпадает? Он жил один?

– Нет.

– На самом деле у него были жена и двое дочерей, верно?

– Да.

– Его возраст был от двадцати пяти до тридцати пяти лет?

– Нет.

– На самом деле ему было тридцать девять, это так?

– Так.

– У него было минимальное образование?

– Нет.

– На самом деле он был магистром в области машиностро-

ения, не так ли?

– Тогда что он делал в той комнате? – резко сказал Ллойд. – Откуда там взялась косметика, принадлежавшая жертвам? Почему...

– Отвечайте на вопрос, который вам задали, лейтенант! – прервал его судья Кейес. – Не надо задавать вопросы. Здесь это не входит в ваши обязанности.

– Простите, ваша честь, – сказал Ллойд. – Да, у него было звание магистра – точно не знаю, в какой области.

– Вы только что упомянули о косметике, – сказала Чандлер. – Что вы имеете в виду?

– В квартире над гаражом, где был убит Чёрч, в ванной была найдена косметика, принадлежавшая девяти жертвам. Это напрямую связало его с этими случаями. Девять из одиннадцати – это убедительно.

– А кто нашел там косметику?

– Гарри Босх.

– Когда пришел туда один и убил его.

– Это вопрос?

– Нет, лейтенант. Это я снимаю.

Чандлер сделала паузу, давая присяжным возможность немного обдумать ее слова – пока она просматривает свои записи.

– Лейтенант Ллойд, расскажите нам о той ночи. Что тогда произошло?

Ллойд снова рассказал эту историю так, как она уже опи-

сывалась десятки раз – по телевидению, в газетах, в книге Бреммера. Была полночь; бригада Б заканчивала свою смену, когда раздался звонок по горячей линии, и Босх ответил на последний в это дежурство звонок. Уличная проститутка по имени Дикси Маккуин заявила, что только что убежала от Кукольника. К тому времени Босх остался один, так как остальные сотрудники бригады Б уже ушли домой. Полагая, что это очередной ложный сигнал, он все же подобрал женщину в Голливуде и в соответствии с ее указаниями поехал в Сильвер-Лейк. На Гиперион-стрит она сумела убедить Босха, что действительно сбежала от Кукольника, и указала на освещенные окна квартиры над гаражом. Босх поднялся туда один. Через несколько мгновений Норман Чёрч был уже мертв.

– Он открыл дверь пинком? – спросила Чандлер.

– Да. Было предположение, что он, может быть, ушел и привел кого-то другого вместо той проститутки.

– Он крикнул «полиция!»?

– Да.

– Откуда вам это известно?

– Он так сказал.

– А свидетели это слышали?

– Нет.

– А проститутка, мисс Маккуин?

– Нет. На случай каких-либо осложнений Босх оставил ее в машине, припаркованной на улице.

– Следовательно, то, что вы говорите, основано лишь на утверждениях детектива Босха: что он опасался новых жертв, что он назвал себя и что мистер Чёрч сделал угрожающее движение в сторону подушки.

– Да, – с неохотой сказал Ллойд.

– Я заметила, лейтенант Ллойд, что вы и сами носите парик.

С задних скамей послышался приглушенный смех. Обернувшись, Босх увидел, что число присутствующих журналистов неуклонно растет. Теперь там уже сидел и Бреммер.

– Да, – сказал Ллойд. Его лицо покраснело и стало по цвету точно таким же, как и нос.

– Вы когда-нибудь кладете парик под подушку? Для него это обычное место?

– Нет.

– У меня все, ваша честь.

Судья Кейес посмотрел на настенные часы, потом на Белка:

– Так что вы думаете, мистер Белк? Сделаем обеденный перерыв сейчас, чтобы вас не прерывать?

– У меня только один вопрос.

– О, тогда, конечно, задавайте его.

Прихватив с собой блокнот, Белк подошел к кафедре и нагнулся к микрофону:

– Лейтенант Ллойд, исходя из всех ваших знаний по этому делу, есть ли у вас хоть малейшие сомнения в том, что

Норман Чёрч и был Кукольникком?

– Ни малейших. Ни малейших!

Когда присяжные вышли из зала, Босх наклонился к Белку и яростно прошептал ему на ухо:

– Что такое? Она порвала его на куски, а вы задали только один вопрос! А как насчет всего остального, что связывает Чёрча с этим делом?

Предупреждающе подняв руку, Белк спокойно ответил:

– Потому что вы еще будете свидетельствовать обо всем этом, Гарри. Дело-то именно в вас. С вами мы или выиграем, или проиграем.

Глава 6

Во время экономического спада «Код семь»⁶ закрыл свою столовую, а на освободившемся месте кто-то разместил салат-бар и пиццерию, где питались служащие муниципально-го центра. Закусочная от «Семерки» все еще была открыта, но идти туда Босху не хотелось. Поэтому во время обеденного перерыва он вывел машину с автостоянки возле Паркер-центра и поехал в швейный квартал, чтобы поесть в заведении под названием «У Горького». В этом русском ресторане весь день подавали завтрак, так что он заказал особую яичницу с беконом и помидорами и понес ее к столику, на котором кто-то уже оставил номер «Таймс».

Статья о блондинке в бетоне принадлежала перу Бреммера. Наряду с цитатами из вступительных заявлений на суде здесь говорилось о том, где было найдено тело, и о его возможной связи с судебным процессом. В статье также сообщалось, что, по данным полицейских источников, детектив Гарри Босх получил анонимную записку, автор которой утверждал, что он и есть настоящий Кукольник.

В Голливудском участке явно произошла утечка информации, но Босх понимал, что обнаружить ее совершенно невозможно. Записка была найдена в дежурной части, так

---

⁶ *Code 7* – условное обозначение в американской полиции, означающее перерыв на обед.

что о ней знали слишком многие полицейские в форме, каждый из которых мог шепнуть о ней Бреммеру. В конце концов, с Бреммером стоило дружить. В прошлом Босх и сам давал Бреммеру информацию, и в ряде случаев Бреммер оказывался весьма полезен.

Цитируя безымянные источники, статья утверждала, что полиция пока не пришла к выводу, является ли записка подлинной и действительно ли нахождение тела связано с делом Кукольника, которое завершилось четыре года назад.

Единственное, что еще было интересно Босху, – это короткий рассказ о бильярдной «У Бинга». Здание сгорело на вторую ночь волнений, арестован за это никто не был. Расследовавшие дело специалисты по поджогам пришли к выводу, что перегородки между помещениями не являлись несущими стенами, а это значило, что все попытки остановить пламя были равнозначны попыткам удержать воду в чашке, сделанной из туалетной бумаги. От момента поджога до полного возгорания прошло всего восемнадцать минут. Большинство помещений арендовали киношники, так что во время этих событий была украдена или сгорела в огне часть ценного реквизита. Само здание выгорело полностью. Следователи установили, что пожар начался с бильярдного зала, где загорелся стол для бильярда.

Отложив газету, Босх принялся размышлять о показаниях Ллойда. Он помнил слова Белка о том, что в этом деле все зависит от него самого. Чандлер тоже должна это по-

нимать. Она будет его подкарауливать, готовая сделать так, что эпизод с Ллойдом покажется ему детской забавой. Босх вынужден был признаться самому себе, что уважает ее за мастерство и жесткость. Эта мысль заставила его кое о чем вспомнить. Поднявшись на ноги, он направился к висевшему перед входом телефону-автомату. Застав Эдгара в «столешнице убийств», Босх был несколько удивлен.

– Есть какие-нибудь успехи в идентификации? – спросил Босх.

– Нет, парень, отпечатки нигде не проходят. Нет вообще никаких совпадений. Она ни разу не привлекалась. Мы все еще пытаемся пробить ее по другим источникам, вроде лицензий на развлечения для взрослых.

– Черт!

– Ну, мы тут предприняли кое-что еще. Помнишь того профессора из Калифорнийского университета, о котором я тебе говорил? Ну так вот, он пробыл тут все утро со своим студентом, разрисовывая гипсовое лицо. В три часа я пригласил сюда прессу, чтобы все это показать. Рохас пошел покупать светлый парик, который мы и напьем на голову. Если это привлечет внимание ТВ, мы сможем получить идентификацию.

– Кажется, неплохой план.

– Угу. Как там суд? В «Таймс» сегодня скандал. У этого Бреммера оказались свои источники.

– В суде все прекрасно. Я тут у тебя хотел кое-что спро-

силь. Когда ты вчера уехал с места преступления и вернулся в участок, где был Паундз?

– Паундз? Он был... мы вернулись одновременно. А что?

– Когда он уехал?

– Чутьочку попозже. Как раз перед тем, как ты приехал сюда.

– Он звонил из своего кабинета?

– Думаю, он сделал несколько звонков. Честно говоря, я не следил. А что такое? Ты думаешь, он и есть источник Бреммера?

– Один последний вопрос. Он закрывал дверь, когда звонил?

Босх знал, что Паундз параноик. Он всегда держал дверь своего кабинета открытой, а шторы на стеклянных перегородках поднятыми, чтобы видеть и слышать, что происходит в помещении для инструктажа. Если что-нибудь из этого записалось или опускалось, подчиненные знали: что-то происходит.

– Ну, теперь, когда ты об этом упомянул, мне кажется, он и вправду ненадолго закрывал дверь. И что с того?

– Бреммер меня не волнует, но кто-то говорил с Мани Чандлер. Сегодня утром в суде она знала, что вчера меня вызывали на место происшествия. В «Таймс» этого не было. Кто-то ее предупредил.

Прежде чем ответить, Эдгар немного помолчал.

– Но зачем же Паундзу ее предупреждать?

– Не знаю.

– Может, это все-таки Бреммер. Он мог ей об этом сказать, хотя и ничего не написал в своей статье.

– В статье сказано, что он не смог получить у нее комментарий. Это должен быть кто-то другой. Хотя, возможно, с Бреммером и Чандлер говорил один и тот же человек. Который хочет мне подгадить.

Эдгар ничего не ответил, и Босх решил пока оставить эту тему.

– Мне пора возвращаться в суд.

– Эй, а как там поживает Ллойд? Я слышал по радио, что он был первым свидетелем.

– Он сделал все так, как и ожидалось.

– Черт! А кто следующий?

– Не знаю. У нее вызваны Ирвинг и Локке, психиатр. Мне кажется, это будет Ирвинг. Продолжит с того места, где закончил Ллойд.

– Ну, удачи. Кстати, если ты ищешь, чем заняться... Я имею в виду тот концерт для ТВ, который я сегодня провожу. Я буду сидеть здесь и ждать звонков. Если хочешь поучаствовать, милости просим.

Босх коротко подумал о своих планах поужинать с Сильвией. Ничего, она поймет.

– Ладно, я приеду.

Послеобеденное заседание не было отмечено особыми событиями. Как показалось Босху, стратегия Чандлер состояла

в том, чтобы выставить на обдумывание присяжными сразу два вопроса. Одним из них было предположение об ошибке в расследовании, из которого вытекало, что Босх хладнокровно убил невиновного человека. Вторым – применение силы. Даже если присяжные решат, что примерный семьянин Норман Чёрч и есть серийный убийца Кукольник, им все равно придется решать, были ли действия Босха соответствующими обстановке.

Сразу после обеда Чандлер вызвала свидетелем свою клиентку Дебору Чёрч. Та поведала вызывающую сочувствие историю о прекрасной жизни с прекрасным мужем, который был со всеми чрезвычайно ласков – с дочерьми, с женой, с матерью и тещей. Никакого женоненавистничества. Никакого трудного детства. Давая показания, вдова держала в руке пачку «Клинекса», с каждым новым вопросом меняя салфетку.

На ней было традиционное черное платье, какое носят вдовы. Босх вспомнил, какой привлекательной казалась Сильвия, когда он видел ее в черном на похоронах мужа. А вот Дебора Чёрч выглядела просто ужасно. Похоже, она наслаждалась той ролью, которую ей приходилось играть в суде, – ролью жены невинной жертвы. Подлинной жертвы. Чандлер прекрасно ее подготовила.

Это было неплохое представление, но тут важно не переборщить, и Чандлер это понимала. Вместо того чтобы оставить неприятные моменты на потом, чтобы они выявились

на перекрестном допросе, она в конце концов спросила Дебору Чёрч: почему же, если все было так чудесно, ее муж оказался в той квартире над гаражом, которую он снимал под вымышленным именем?

– У нас были некоторые трудности. – Она сделала паузу, чтобы промокнуть глаза салфеткой. – Норман испытывал сильный стресс – он нес большую ответственность в своем конструкторском отделе. Ему нужно было как-то снизить напряжение, и поэтому он снял эту квартиру. Он говорил, что ему нужно побыть одному. Подумать. Я ничего не знаю насчет той женщины, которую он туда привел. Думаю, он впервые сделал нечто подобное. Он был наивным человеком. Я думаю, она это заметила. Она взяла у него деньги, а потом позвонила в полицию и рассказала эту безумную историю о том, что он и есть Кукольник. Наверно, это было своего рода расплатой.

Босх написал что-то в блокноте, который держал перед собой, и передал его Белку, который прочитал записку, а затем что-то отметил в собственном блокноте.

– А как насчет косметики, которую там нашли, миссис Чёрч? – спросила Чандлер. – Вы можете это объяснить?

– Единственное, что я могу сказать, – я бы знала, если бы мой муж был этим чудовищем. Я бы знала. Если там нашли косметику, значит ее подложил туда кто-то другой. Возможно, после того, как он умер.

Босх почувствовал, как все смотрят на него, – ведь вдова

только что обвинила его в том, что он после убийства ее мужа подбросил вещественные доказательства.

После этого Чандлер перешла на более безопасные темы вроде отношений Нормана Чёрча с дочерьми, закончив вопросом:

– Он любил своих дочерей?

– Очень, очень любил! – сказала миссис Чёрч, и из ее глаз полился новый поток слез. На сей раз она не стала вытирать их салфеткой, предоставив присяжным возможность наблюдать, как слезы катятся по ее лицу и исчезают в многочисленных складках ее двойного подбородка.

Дав ей возможность прийти в себя, Белк встал и занял свое место у кафедры.

– Ваша честь, я снова буду краток. Миссис Чёрч, я хочу, чтобы жюри это было абсолютно ясно. Вы действительно заявили суду, что знали о квартире, которую снимал ваш муж, но ничего не знали о каких-либо женщинах, которых он мог или не мог туда приводить?

– Да, это так.

Белк заглянул в свои записи:

– Разве вы не сказали детективам в ночь происшествия, что ничего не слышали ни о какой квартире? Разве не вы настойчиво отрицали, что ваш муж когда-либо снимал подобную квартиру?

Дебора Чёрч не ответила.

– Если это поможет освежить вашу память, я могу предо-

ставить для прослушивания в суде запись вашего первого допроса.

– Да, я это говорила. Я солгала.

– Солгали? Зачем же вы солгали полиции?

– Потому что один из полицейских только что убил моего мужа. Я не... я не могла иметь с ними никаких дел.

– Правда заключается в том, что в ту ночь вы сказали правду, не так ли, миссис Чёрч? Вы никогда не знали ни о какой квартире.

– Нет, это не так. Я знала о ней.

– Вы с мужем о ней говорили?

– Да, говорили.

– И вы это одобрили?

– Да... с неохотой. Я надеялась, что он останется дома и мы вместе справимся с этим стрессом.

– Хорошо, миссис Чёрч, но если вы знали об этой квартире, говорили о ней с мужем и дали свое, пусть неохотное, согласие, тогда почему ваш муж снимал ее под вымышленным именем?

Она не ответила. Белк ее поймал. Босху показалось, что он заметил, как вдова смотрит на Чандлер. Он перевел взгляд на адвокатессу, но та сохраняла прежнее выражение лица, ничем не помогая своей клиентке.

– Думаю, – наконец сказала вдова, – это один из вопросов, которые вы могли бы задать ему, если бы мистер Босх не убил его так хладнокровно.

– Последнюю характеристику присяжные должны проигнорировать, – не дожидаясь протеста со стороны Белка, сказал судья. – Миссис Чёрч, вы не вправе этого говорить.

– Простите, ваша честь.

– Это все, – сказал Белк и покинул кафедру.

Судья объявил десятиминутный перерыв.

Во время перерыва Босх вновь вышел покурить. Мани Чандлер больше не появлялась, однако бездомный опять к нему подошел. Босх предложил ему целую сигарету, которую тот взял и положил в карман рубашки. Он снова был небрит, глаза слабо светились безумием.

– Вас зовут Фарадей, – сказал Босх таким тоном, словно разговаривал с ребенком.

– Ага, и что с того, лейтенант?

Босх улыбнулся. Бродяга его сразу раскусил. Вот только в должности ошибся.

– Да ничего. Просто я о вас слышал. Я также слышал, что вы были адвокатом.

– Я им и остался. Просто я не практикую.

Повернувшись, он посмотрел на проезжающий по Спринг-стрит тюремный автобус. За зарешеченными окнами виднелись озлобленные лица заключенных. Кто-то из них тоже признал в Босхе копа и просунул сквозь черную решетку свой средний палец. В ответ Босх только улыбнулся.

– Меня звали Томас Фарадей. Но сейчас я предпочитаю

зваться Томми Фарауэй⁷.

– А что случилось, почему вы перестали практиковать?

Томми посмотрел на него кротким взглядом:

– Свершилось правосудие – вот что случилось. Спасибо за курево.

Держа в руке чашку, он направился к зданию муниципалитета. Вероятно, оно тоже входило в его участок.

После перерыва Чандлер вызвала свидетелем эксперта из коронерской службы по имени Виктор Амадо. Это был очень низенький человек с внешностью классического книжного червя. По пути к месту свидетеля он то и дело переводил взгляд то на судью, то на присяжных. На вид ему было не больше двадцати восьми лет, но голова его казалась почти совершенно лысой. Босх вспомнил, что четыре года назад все волосы его были целы, а члены спецгруппы звали его Деткой. В том случае, если бы Чандлер его не вызвала, Белк вызвал бы его сам.

Наклонившись, Белк прошептал, что Чандлер применяет прием «хороший парень – плохой парень», чередуя полицейских свидетелей со своими.

– После Амадо она, вероятно, выставит одну из дочерей, – сказал он. – Такая стратегия совсем неоригинальна.

Босх не стал упоминать, что стратегия самого Белка «верьте нам, ведь мы копы» тоже не блещет новизной.

Амадо обстоятельно рассказал о том, как он получил все

---

⁷ *Faraway* – отсутствующий, мечтательный (англ.).

бутылочки и баночки с косметикой, которые были найдены в квартире Чёрча, а затем сопоставил их с той или иной жертвой Кукольника. По его словам, ему пришлось иметь дело с девятью отдельными группами косметики: тушь для ресниц, румяна, губная помада и так далее. Каждая группа с помощью химического анализа была сопоставлена с образцами, взятыми с лиц жертв.

Затем детективы опросили родственников и друзей погибших женщин, чтобы определить, какими именно видами косметики пользовались жертвы. «И все это сошлось», – сказал Амадо. В одном случае, добавил он, тушь для ресниц, найденная в ванной у Чёрча, была идентифицирована как принадлежавшая второй жертве.

– А что насчет тех двух жертв, для которых не было найдено подходящей косметики? – спросила Чандлер.

– Это настоящая загадка. Их косметику мы так и не нашли.

– Фактически, кроме туши для ресниц, которая была якобы найдена и якобы соответствовала жертве номер два, вы не можете быть на сто процентов уверены, что косметика, которую полиция предположительно нашла в квартире, принадлежала жертвам. Это так?

– Подобные вещи относятся к массовой продукции и продаются по всему миру. Так что их можно встретить повсюду, но вероятность того, что девять совпадающих комбинаций косметики оказались в одном и том же месте по чистой слу-

чайности, исчезающе мала.

– Я не предлагаю вам гадать, мистер Амадо. Будьте добры ответить на вопрос, который я задала.

– Мой ответ заключается в том, что на сто процентов уверенным здесь быть нельзя, – поморщившись, ответил Амадо.

– Хорошо, а теперь расскажите жюри насчет проведенных вами тестов ДНК, связывающих Нормана Чёрча с одиннадцатью убийствами.

– Таких тестов мы не проводили. Дело в том...

– Просто отвечайте на вопрос, мистер Амадо. Как насчет серологических тестов, связывающих мистера Чёрча с этими преступлениями?

– Их не проводили.

– Стало быть, решающим доводом было совпадение марок косметики – именно оно стало основным доказательством того, что мистер Чёрч и есть Кукольник?

– Ну, для меня да. Насчет детективов я не знаю. В моем отчете сказано...

– Уверена, что для детективов решающим доводом была пуля, которая его убила.

– Возражаю! – крикнул со своего места Белк. – Ваша честь, она не вправе...

– Миз Чандлер! – загремел судья Кейес. – Я уже предупредил вас обоих именно об этом. Почему вы позволяете себе высказывать предвзятые и необоснованные суждения?

– Извините, ваша честь.

– Пожалуй, для извинений немного поздновато. Мы еще обсудим данный вопрос после того, как присяжные уйдут домой.

После этого судья велел присяжным не принимать во внимание ее замечание. Но Босх прекрасно понимал, что со стороны Чандлер это был хорошо продуманный ход. Теперь присяжные будут еще больше ей сочувствовать. Ведь против нее как будто даже судья – хотя на самом деле это и не так. А когда на сцену выступит Белк, чтобы исправить впечатление от допроса Амадо, присяжные все еще будут размышлять о том, что случилось, и не обратят на его усилия внимания.

– У меня все, ваша честь, – сказала Чандлер.

– Мистер Белк! – пригласил судья.

«Только на этот раз не говори, что у тебя всего несколько вопросов», – мысленно попросил Босх.

– У меня всего несколько вопросов, мистер Амадо, – сказал Белк. – Адвокат истца упоминала серологические тесты и тесты ДНК, и вы сказали, что они не проводились. Почему?

– Ну, потому, что тестировать было нечего. Ни в одном из тел не было обнаружено семенной жидкости – убийца пользовался презервативом. Без такого рода образцов не было особого смысла проводить анализы – ДНК и кровь мистера Чёрча сравнивать было бы не с чем.

Белк отметил ручкой вопрос, записанный у него в блокноте.

– Если семенной жидкости или спермы не оказалось, от-

куда вы знаете, что эти женщины были изнасилованы или даже вступали в сексуальные отношения по согласию?

– Вскрытие во всех одиннадцати случаях выявило гораздо более сильные повреждения влагалища, чем это обычно бывает или даже возможно при сексе по согласию. В двух случаях у жертв даже отмечены разрывы стенки влагалища. По моей оценке, жертвы были грубо изнасилованы.

– Но ведь эти женщины вели образ жизни, для которого характерен высокий уровень половой активности и даже, если хотите, «грубый секс». Две из них участвовали в съемках порнографических видеофильмов. Как вы можете быть уверены, что они подверглись сексуальному насилию против их воли?

– Такого рода повреждения должны быть очень болезненными, особенно у тех двух с разрывом влагалища. Кровотечения отмечались в момент смерти. Помощники coronera, которые производили вскрытия, пришли к единогласному мнению, что эти женщины были изнасилованы.

Белк сделал еще одну пометку в своих записях, перелистнул страницу и собрался задать новый вопрос. А он хорошо справляется с Амадо, подумал Босх. Лучше, чем Мани. Возможно, с ее стороны было ошибкой вызывать его в качестве свидетеля.

– Откуда вы знаете, что убийца использовал презерватив? – спросил Белк. – Разве эти женщины не могли быть изнасилованы каким-либо предметом, что и объясняет отсут-

ствие семенной жидкости?

– Такое действительно могло произойти, вызвав некоторые из повреждений. Тем не менее в пяти случаях существуют явные доказательства того, что они имели секс с женщиной, использовавшим презерватив.

– И что же это за доказательства?

– Мы составили комплекты по изнасилованиям и...

– Секунду, мистер Амадо. Что такое «комплект по изнасилованию»?

– Существует определенный порядок сбора вещественных доказательств с трупов жертв, которые могут оказаться жертвами изнасилования. В случае с женщиной мы берем влагалищные и анальные мазки, осматриваем лобок в поисках чужеродных лобковых волос и проделываем другие подобные процедуры. Мы также берем образцы крови и волос жертвы на тот случай, если понадобится сравнить их с уликами, найденными на подозреваемом. Все это собирается вместе в комплект вещественных доказательств.

– Хорошо. Когда я вас прервал, вы хотели рассказать нам об уликах, найденных на телах пяти жертв, которые указывали на секс с женщиной, пользовавшимся презервативом.

– Да, мы составляли комплект по изнасилованию каждый раз, когда обнаруживали жертву Кукольника. Во влагалищных пробах пяти женщин содержалось чужеродное вещество. У каждой это был один и тот же материал.

– И что же это было, мистер Амадо?

– Смазочный материал презерватива.

– Можно ли было его идентифицировать, соотнеся с определенным видом презервативов?

Глядя на Белка, Босх видел, что здоровяк едва не подпрыгивает от нетерпения. Амадо говорил медленно, и каждый раз Босх замечал, что Белк не может дождаться окончания ответа, чтобы задать новый вопрос. Он был на коне.

– Да, – сказал Амадо. – Мы идентифицировали это изделие. Это оказался презерватив «Троян-Энц» со смазкой и специальным резервуаром. Произносится как «Э-Н-Ц», – глядя на протоколиста, добавил он.

– И оно было одинаковым для всех пяти образцов, полученных из пяти тел? – спросил Белк.

– Да, одинаковым.

– Хочу задать вам гипотетический вопрос. Если учесть, что нападавший использовал один и тот же сорт презервативов со смазкой, то почему, по вашему мнению, смазочный материал был найден во влагалищных пробах только пяти жертв?

– Я думаю, что это может объясняться целым рядом факторов – например, силой сопротивления жертвы. Но в основном это зависит от того, сколько смазочного вещества вытекло из презерватива и осталось во влагалище.

– Когда сотрудники полиции привезли вам на анализ различные контейнеры с косметикой, найденные на арендованной Норманом Чёрчем квартире, они доставили вам что-ли-

бо еще?

– Да, доставили.

– И что это было?

– Коробка презервативов «Троян-Энц» со смазкой и специальным резервуаром.

– Сколько презервативов вмещает данная коробка?

– Двенадцать отдельно упакованных презервативов.

– Сколько еще оставалось в коробке, когда полицейские доставили их вам?

– Оставалось еще три штуки.

– У меня все.

Белк с торжествующим видом вернулся к столу защиты.

– Минуточку, ваша честь! – сказала Чандлер.

Босх видел, как она открыла толстую папку, полную полицейских документов. Пролистав страницы, она вытащила оттуда небольшую пачку документов, скрепленных канцелярской скрепкой. Быстро пробежав взглядом заголовков первого из них, она положила его поверх остальных и принялась изучать следующие. Босх сумел заметить, что это был перечень документов, входящих в комплект по изнасилованию. Чандлер читала протоколы на все одиннадцать жертв.

– Она сейчас вляпается в жуткое дерьмо, – наклонившись к нему, прошептал Белк. – Я собирался поднять это позднее, во время вашего допроса.

– Миз Чандлер! – нараспев произнес судья.

Она встрепенулась:

– Да, ваша честь, я готова. У меня есть дополнительные вопросы к мистеру Амадо.

Забрав с собой к кафедре пачку протоколов, она пробежала взглядом два последних и посмотрела на эксперта:

– Мистер Амадо, вы упомянули, что в состав комплекта по изнасилованию входят поиски чужих лобковых волос. Я правильно это поняла?

– Да.

– Можете ли вы немного подробнее описать эту процедуру?

– Ну, суть дела заключается в том, что по лобковым волосам жертвы проводят расческой и собирают отделившиеся волосы. Зачастую эти отделившиеся волосы принадлежат нападавшему или, возможно, другим сексуальным партнерам.

– Как они туда попадают?

Лицо Амадо побагровело.

– Ну, э-э-э... во время секса происходит, как бы это сказать, своего рода трение между телами...

– Ну, продолжайте, продолжайте.

На местах, отведенных для публики, раздался тихий смешок. Испытывая смущение за Амадо, Босх понял, что и сам краснеет.

– Ну да, происходит трение, – сказал Амадо. – И это вызывает некоторый перенос вещества. Выпавшие лобковые волосы одного индивидуума могут перейти на другого.

– Понятно, – сказала Чандлер. – Как координатор по делу

Кукольника от службы коронера вы знакомы с комплектом по изнасилованию всех одиннадцати жертв, не так ли?

– Так.

– У какого количества жертв были обнаружены чужие лобковые волосы?

Босх понял, что Белк был прав. Чандлер двигалась прямо на лезвие циркулярной пилы.

– У всех, – ответил Амадо.

Босх заметил, что Дебора Чёрч подняла голову и со злостью взглянула на Чандлер. Затем она посмотрела на Босха, и их взгляды встретились. Она быстро отвела глаза, но Босх и так все понял. Она тоже знала, что сейчас произойдет. Потому что хорошо представляла, как выглядел ее покойный муж в тот момент, когда его увидел Босх. Она прекрасно знала, как он выглядел обнаженным.

– Ах, значит, у всех! – сказала Чандлер. – Тогда расскажите, пожалуйста, присяжным, сколько лобковых волос, найденных на телах этих женщин, были идентифицированы как принадлежавшие Норману Чёрчу?

– Ни один из них не принадлежал Норману Чёрчу.

– Благодарю вас.

Чандлер еще не успела убрать свою папку и протоколы, как Белк уже двинулся к кафедре. Когда она села, вдова Чёрч наклонилась к ней и принялась что-то отчаянно шептать. Глаза Чандлер сразу помрачнели. Подняв руку в знак того, что вдова сказала вполне достаточно, она откинулась назад

и принялась слушать.

– А теперь давайте кое-что проясним, – сказал Белк. – Мистер Амадо, вы сказали, что обнаружили лобковые волосы на всех одиннадцати жертвах. Все эти волосы принадлежали одному и тому же мужчине?

– Нет. Мы получили множество образцов. В большинстве случаев на каждой из жертв обнаруживались волосы, принадлежавшие, вероятно, двум или трем мужчинам.

– И чем вы это объясняете?

– Их образом жизни. Мы знали, что эти женщины имели много сексуальных партнеров.

– Вы анализировали эти образцы, с тем чтобы выяснить, нет ли среди них одинаковых волос? Другими словами, не оказалось ли на каждой из жертв волос, принадлежавших одному и тому же мужчине?

– Нет, не анализировали. По этим делам было собрано огромное количество вещественных доказательств, и от нас требовали сосредоточиться на тех из них, которые помогли бы идентифицировать убийцу. Поскольку у нас оказалось так много различных образцов, было решено, что эти вещественные доказательства будут сохранены и затем использованы при аресте подозреваемого, чтобы подтвердить его вину или оправдать.

– Понятно. Тогда, очевидно, после того, как Норман Чёрч был убит и идентифицирован как Кукольник, вы сравнивали какие-либо его волосы с найденными на телах жертв?

– Нет, не сравнивали.

– А почему?

– Потому что мистер Чёрч сбрасывал волосы на своем теле. Из-за отсутствия у него лобковых волос сравнивать было нечего.

– А зачем он это делал?

Тут Чандлер выдвинула протест на том основании, что Амадо не может отвечать за Чёрча, и судья удовлетворил ее протест. Но Босх понимал, что это уже не имеет значения. Все в зале суда прекрасно понимали, зачем Чёрч сбрасывал волосы на теле: чтобы не оставить после себя улики.

Взглянув на присяжных, Босх увидел, что двое женщин делают пометки в выданных им судебными исполнителями блокнотах для важных записей. Ему хотелось угостить Белка пивом, да и Амадо тоже.

Глава 7

Это было похоже на торт – кондитерское изделие ручной работы, напоминающее голову Мэрилин Монро или еще какой-нибудь знаменитости. Антрополог раскрасил гипс в телесный цвет и пририсовал в нужных местах красные губы и голубые глаза, – по мнению Босха, это походило на глазурь. Сверху красовался светлый парик. Глядя на гипсовый образ, Босх никак не мог решить, похоже ли это творение вообще на кого бы то ни было.

– До начала представления осталось пять минут, – сказал Эдгар.

Эдгар сидел в своем кресле; сейчас оно было развернуто в сторону стоящего на шкафу телевизора. В руке детектив держал пульт. Его голубой пиджак был аккуратно расправлен на плечиках, которые висели на колышке, вбитом в край стола. Сняв собственный пиджак, Босх повесил его на соседний колышек. После этого он проверил автоответчик и уселся на свое место за столом. Звонила Сильвия, больше ничего существенного. Он набрал ее номер как раз в тот момент, когда на четвертом канале начались новости. Босх хорошо знал, как делаются новости в этом городе, чтобы полагать, будто сюжет о блондинке в бетоне станет главным событием нынешнего выпуска.

– Гарри, нам нужно будет освободить эту линию, как толь-

ко покажут наш сюжет, – сказал Эдгар.

– Я только на минуту. Его ведь покажут не сразу. Если вообще покажут.

– Покажут. Я вступил с ними со всеми в тайный сговор. Они все думают, будто получают эксклюзив, если мы сумеем провести идентификацию. Они хотят поднять колоссальный шум, засняв ее родителей.

– Парень, ты играешь с огнем. Когда ты даешь такие обещания, а потом они обнаруживают, что ты обвел их вокруг...

В этот момент Сильвия подняла трубку.

– Привет, это я.

– Привет, где ты?

– В конторе. Нужно немного посидеть на телефоне. Сегодня по ТВ должны показать лицо жертвы из вчерашней коробки.

– А как дела в суде?

– Пока ведет истец. Но я думаю, и мы все же заработали пару очков.

– Сегодня за обедом я читала «Таймс».

– А... Ну, они изложили половину правды.

– Так ты приедешь? Ты ведь обещал.

– Ну, я скоро приеду. Но не сейчас. Мне нужно помочь ответить на звонки, а потом все будет зависеть от того, что мы получим. Если ничего не получится, я освобожусь рано.

Он заметил, что непроизвольно понизил голос, чтобы Эдгар не слышал их разговора.

– А если ты узнаешь что-нибудь стоящее?

– Тогда посмотрим.

Сдержанный вздох, затем молчание. Гарри ждал продолжения.

– Ты слишком часто говоришь «посмотрим». Мы уже беседовали с тобой об этом, Гарри. Иногда...

– Я знаю.

– Иногда мне кажется, что ты просто хочешь, чтобы тебя оставили в покое. Хочешь тихо сидеть в своем маленьком домике на холме, отгородившись от всего мира. В том числе и от меня.

– Ты не в счет – ты и сама это знаешь.

– Иногда я в этом сомневаюсь. Вот и сейчас – ты отталкиваешь меня как раз в тот момент, когда тебе нужно, чтобы я... чтобы кто-то был рядом.

Он не знал, что ответить. Сейчас она, наверно, сидит на табуретке у себя в кухне, уже начав готовить ужин на двоих. А может, она приняла во внимание его привычки и просто ждала его звонка.

– Послушай, мне очень жаль, – сказал он. – Ты знаешь, как это бывает. Что ты готовишь на ужин?

– Ничего не готовлю и не собираюсь ничего готовить.

Эдгар тихо свистнул. Гарри поднял взгляд на телевизор и увидел, что там показывают раскрашенное лицо жертвы. Сейчас был включен седьмой канал. Камера дала лицо крупным планом. Как ни странно, по ящику оно выглядело впол-

не нормально – по крайней мере, не походило на торт. Вслед за этим на экране появились номера телефонов детективного бюро.

– Сейчас как раз это показывают, – сказал Сильвии Босх. – Мне нужно освободить линию. Я позвоню тебе попозже, когда что-нибудь узнаю.

– Конечно, – холодно сказала она и повесила трубку.

Эдгар уже переключил телевизор на четвертый канал – там тоже показывали лицо. Тогда он перескочил на второй и поймал последние секунды их сюжета о блондинке. Здесь показали даже интервью с антропологом.

– Скучные какие-то новости, – заметил Босх.

– Ну и ладно, – ответил Эдгар. – Мы бьем во все колокола. Все, что мы...

В этот момент зазвонил телефон, и он рывком снял трубку.

– Нет, все только что кончилось, – сказал он, несколько секунд послушав невидимого собеседника. – Да, да, конечно. Обязательно.

Повесив трубку, он покачал головой.

– Паундз? – спросил Босх.

– Угу. Думает, что мы можем узнать ее имя уже через десять секунд после окончания передачи. Вот же олух, прости господи!

Три следующих звонка были от телефонных хулиганов. Они, несомненно, отражали общий культурный уровень и

психическое состояние телевизионной аудитории. Все трое звонивших говорили «Твою мать!» или еще что-нибудь подобное и с хохотом вешали трубку. Через двадцать минут Эдгар принял следующий звонок и начал делать какие-то записи. Вскоре телефон позвонил снова, и Босх взял трубку:

– Это детектив Босх. С кем я говорю?

– Разговор записывается?

– Нет. Кто это?

– Не имеет значения. Так вот, если вы хотите узнать имя той девушки, то ее зовут Мэгги. Мэгги как-то там. Испанская фамилия. Я видел ее на видео.

– На каком видео? По Эм-ти-ви?

– Нет, Шерлок. На видео для взрослых. Она там трахалась. Неплохо, кстати сказать. Она могла губами надеть на член резинку.

Трубка замолчала. В лежащем перед ним блокноте Босх черкнул пару строчек. Латинос? Разрисованное лицо как будто не относилось к этому типу.

Повесив трубку, Эдгар сообщил, что, по словам звонившего, жертву звали Бекки и несколько лет назад она жила в Студио-Сити.

– А ты что узнал?

– Я узнал про Мэгги. Без фамилии. Возможно, фамилия испанская. Он сказал, что она снималась в порно.

– Это подходит, за исключением того, что она не похожа на мексиканку.

– Я знаю.

Телефон зазвонил снова. Подняв трубку, Эдгар немного послушал и повесил ее.

– Еще один, который опознал мою маму.

Босх принял следующий звонок.

– Я просто хотел сказать, что девушка, которую показывали по телевизору, снималась в порно, – сказал чей-то голос.

– Откуда вы знаете, что она снималась в порно?

– Судя по тому, что показывали по ТВ. Однажды я брал напрокат кассету – только один раз. Она была там.

«Только один раз – и уже запомнил, – подумал Босх. – Ну конечно!»

– Вы знаете, как ее зовут?

В это время зазвонил второй телефон, и Эдгар взял трубку.

– Я не знаю никаких имен, парень, – сказал тот, кто позвонил Босху. – В любом случае они используют вымышленные имена.

– А какое имя было на кассете?

– Не могу припомнить. Когда я ее смотрел, то был, гм, в состоянии опьянения. Как я уже говорил, это случилось только один раз.

– Послушайте, я не заставляю вас ни в чем сознаваться. Вы можете сообщить что-нибудь еще?

– Нет, хитрож... не могу.

– Да кто это говорит?

– Я не обязан этого сообщать.

– Послушай, мы пытаемся найти убийцу. Как называется то место, где ты брал напрокат кассету?

– Не скажу – вы можете узнать у них мое имя. К тому же эти кассеты есть везде.

– Откуда ты это знаешь, если только раз брал напрокат одну-единственную кассету?

Звонивший повесил трубку.

Босх просидел там еще час. К концу этого часа они получили пять звонков с утверждениями, что раскрашенное лицо принадлежит начинающей порнозвезде. Только один из звонивших утверждал, что ее звали Мэгги, а остальные четверо сказали, что не обратили внимания на имя. Был еще один, назвавший ее Бекки из Студио-Сити, и другой, сказавший, что это стриптизерша, некоторое время работавшая в заведении «Ловушка» на Ла-Бреа. Еще один позвонивший заявил, что это его исчезнувшая жена, но из дальнейших расспросов Босх выяснил, что она пропала всего два месяца назад, а блондинка в бетоне умерла гораздо раньше. Звучавшие в голосе позвонившего надежда и отчаяние показались Босху искренними, и он так и не понял, сообщает ли он этому человеку хорошую новость, объясняя, что это не может быть его жена, или же плохую, поскольку тот по-прежнему остается в неизвестности.

Трое звонивших дали смутные описания женщины, которой, по их мнению, могла бы оказаться блондинка в бетоне,

но, задав каждому из них по несколько вопросов, Босх и Эдгар выяснили, что это маньяки, получающие удовольствие от контактов с полицией.

Самый необычный звонок поступил от женщины-медиума с Беверли-Хиллз, которая сообщила, что положила руку на телевизионный экран, когда на нем показывали лицо жертвы, и почувствовала, что к ней взывает дух погибшей женщины.

– И о чем же он говорил? – терпеливо спросил Босх.

– Возносил хвалу.

– За что?

– Думаю, он возносил хвалу Спасителю нашему Иисусу Христу, – это я могу только предполагать, но точно не знаю. Это все, что я приняла. Я могла бы принять больше, если бы могла дотронуться до настоящего гипсового слепка, который...

– Ну а этот самый дух, который возносил хвалу, – он как-то представился? Видите ли, мы ведь занимаемся именно этим. Нас гораздо больше интересует имя, чем какие-то восхваления.

– Однажды вы уверуете, но будет уже поздно.

И она повесила трубку.

В семь тридцать Босх сказал Эдгару, что уходит.

– А ты как? Будешь торчать здесь до одиннадцатичасовых новостей?

– Буду. Ничего страшного: если приму много звонков, бу-

дет много материала для работы.

«Что ж, накапливай свои сверхурочные», – подумал Босх.

– А дальше что? – спросил он.

– Не знаю. Ты-то как думаешь?

– Ну, кроме звонков насчет твоей матери, вариант с порно кажется подходящим.

– Давай оставим в покое мою благословенную мать. Как, по-твоему, я могу проверить вариант с порно?

– В полиции нравов. Там есть один парень, детектив-три по имени Рэй Мора, он работает по порно. Он там самый лучший. Он тоже входил в спецгруппу по Кукольнику. Позвони ему и попроси взглянуть на лицо. Возможно, он ее знал. Скажи ему, что один из звонивших называл ее Мэгги.

– Ладно. Это ведь стыкуется с Кукольником? Я имею в виду порно.

– Угу, стыкуется, – сказал Босх и, немного подумав, добавил: – В этом бизнесе были заняты две другие жертвы. Та, которая от него убежала, – тоже.

– Та, которой повезло, – она до сих пор этим занимается?

– Занималась. Но сейчас она вполне может быть уже на том свете.

– Все равно это ничего не значит, Гарри.

– Что не значит?

– Ну, порно. Не значит, что это был Кукольник. Я имею в виду – настоящий Кукольник.

Босх только кивнул. По дороге домой он собирался кое-

что сделать. Вернувшись к своему «капрису», он достал из багажника поляроид. В помещении для инструктажа сделал два снимка лица в коробке и, когда они проявились, положил карточки в карман пиджака.

– И что ты собираешься с этим делать? – спросил наблюдавший за ним Эдгар.

– Хочу по дороге к Сильвии заскочить в тот супермаркет для взрослых, который находится в Вэлли.

– Смотри, чтобы тебя там не поймали в одной из уютных комнатушек с хозяйством наружу.

– Спасибо за подсказку. Дашь мне знать, что скажет Мора.

Пробившись по улицам на голливудское шоссе, Босх поехал на север, и вскоре дорога привела его в расположенный в Сан-Фернандо-Вэлли Северный Голливуд. Он опустил все четыре окошка, и хлеставший со всех сторон воздух казался ему прохладным. Закурив сигарету, он стряхивал пепел за окно. По радиостанции KAJZ передавали какой-то техно-фанк-джаз, поэтому Босх выключил радио и ехал в тишине, без музыки.

Вэлли был в полном смысле слова спальным районом, поскольку служил пристанищем отечественной порноиндустрии. В торгово-промышленных районах Ван-Найс, Каног-парк, Нортридж и Чатсворт размещались сотни порностудий, дистрибьюторов и складов. Модельные агентства в Шерман-Оукс поставляли девяносто процентов тех мужчин и женщин, которые исполняли свои роли перед камерами.

Соответственно, в Вэлли располагались и крупнейшие магазины розничной торговли этим материалом. То, что здесь производилось, здесь же и продавалось – через магазины, торгующие по почтовым заказам, которые находились рядом с производственной базой, или такие заведения, как «Марка Икс» на бульваре Ланкершим.

Босх остановил машину как раз перед таким огромным магазином. Раньше здесь торговали обычными кинофильмами, но сейчас большие фасадные витрины были заделаны. Под красной неоновой вывеской «Марка Икс» на белой стене виднелись черные фигуры обнаженных женщин с чудовищным бюстом – они были похожи на металлические силуэты, которые Босх все время встречал на брызговиках грузовиков. Те, кто цеплял эти фигурки на свои грузовики, очевидно, и являлись клиентами подобных заведений.

«Марка Икс» принадлежала человеку по имени Гарольд Барнс, легально представлявшему интересы Чикагской группировки. В год она получала миллион долларов – по данным бухгалтерского учета. Теневые доходы составляли, вероятно, столько же. Все это Босх знал от детектива Мори из полиции нравов, с которым несколько раз вместе дежурил, когда они оба четыре года назад входили в состав спецгруппы.

Вот из подъехавшей «тойоты» вылез мужчина лет двадцати пяти, быстро подошел к солидной входной двери и, словно тайный агент, тихо прошмыгнул внутрь. Босх последовал за ним. Передняя часть бывшего супермаркета была отведе-

на под торговый зал, где продавали и выдавали напрокат видео, журналы и прочие товары для взрослых – в основном сделанные из резины. В задней части располагались комнаты для «свиданий» и кабинки для частного видеопросмотра. Доносившиеся из-за занавешенной двери звуки тяжелого рока смешивались с исходившими из видеокабинок фальшиво-страстными стонами.

Слева за стеклянной конторкой стояли двое мужчин: один крупный, чтобы поддерживать порядок, второй маленький, чтобы принимать деньги. По их напряженным взглядам Босх понял, что они вычислили его сразу, как только он вошел. Подойдя поближе, он выложил на прилавок один из снимков:

– Я пытаюсь ее идентифицировать. Слышал, что она работала на видео, – может, вы ее узнаете?

Маленький нагнулся и посмотрел, тогда как большой даже не двинулся с места.

– Похоже на торт, – сказал маленький. – С тортами я не общаюсь – я их ем.

Он повернулся к большому, и они обменялись понимающими улыбками.

– Значит, вы ее не узнаете. А вы?

– Я скажу то же самое, – сказал большой. – Я тоже ем торты.

На сей раз оба громко рассмеялись и, вероятно, едва удержались от того, чтобы шлепнуть друг друга по открытым ла-

доням. Глаза маленького за розовыми стеклами очков озорно сверкнули.

– Ладно, – сказал Босх. – Тогда я просто тут немного осмотрюсь. Спасибо.

– Только держи свою пушку в кобуре, приятель, – мы не хотим возбуждать посетителей.

У верзилы были пустые глаза, метра на полтора от него разило тяжелым запахом немытого тела. Наркоман, подумал Босх, удивляясь тому, что маленький держит его здесь.

– Они и так возбуждены, – сказал Босх.

И повернулся к стене, где чуть ли не до самого потолка возвышались полки, уставленные сотнями коробок с видеокассетами. Возле них стояло человек десять, включая «секретного агента». Оценив число кассет, Босх вдруг вспомнил, как однажды вздумал перечитать все имена погибших во Вьетнаме, высеченные на стене мемориала. Тогда это заняло у него несколько часов.

Видео отняло у него меньше времени. Пропустив кассеты с геями и черными, он принялся просматривать коробки в поисках либо лица, напоминающего лицо блондинки в бетоне, либо имени Мэгги. Видеокассеты были расставлены в алфавитном порядке, так что до буквы «С» он добрался примерно через час. Здесь его внимание привлекла кассета под названием «Сыщики из склепа». На обложке виднелась лежащая в гробу обнаженная женщина. Женщина была светловолосая, и ее вздернутый нос очень напоминал нос заму-

рованной блондинки. Босх перевернул коробку и обнаружил еще одну фотографию, где актриса стояла на четвереньках, а сзади к ней прижимался какой-то мужчина.

Рот ее был слегка приоткрыт, лицо повернуто назад, в сторону партнера.

Это она, понял Босх. Взглянув на состав исполнителей, он убедился, что имя подходит, и понес пустую коробку к прилавку.

– Ну наконец-то! – сказал маленький. – Здесь нельзя слишком долго задерживаться – копы не разрешают.

– Я хочу взять ее напрокат.

– Не получится – ее уже взяли. Видите – коробка пустая.

– А у вас есть что-нибудь еще, где она снималась?

Маленький взял в руки коробку и взглянул на фотографии:

– А, Отличница Секса! Что-то не припоминаю. Она только-только начала сниматься и сразу куда-то исчезла. Наверно, вышла замуж за какого-нибудь богача – с ними такое часто случается.

Здоровяк тоже подошел взглянуть на снимки, и Босх отступил назад, чтобы не вдыхать исходящие от него ароматы.

– Это понятно, – сказал он. – Где еще она снималась?

– Ну, – сказал маленький, – она только-только выкарабкалась и вдруг – бац! – исчезла. «Сыщики» – это ее первая большая роль. В «Розовой шляхе» она прекрасно сработала два проникновения, с чего и начался ее взлет. До этого были

только «петли».

Вернувшись к букве «Р», Босх обнаружил там коробку из-под «Розовой шлюхи». Она тоже была пуста, а вот фотографий Отличницы Секса на ней не оказалось. Вернувшись к маленькому, Босх указал ему на коробку со «Склепом»:

– А как насчет коробки? Я ее куплю.

– Мы не можем продать вам одну коробку – что же мы тогда будем делать, когда видео вернется обратно? Мы и так продаем совсем немного коробок. Ребятам нужны фотки, так что они покупают журналы.

– А сколько стоит сама видеокассета? Я хотел бы ее купить. Когда фильм принесут обратно, вы придержите его для меня, и я его заберу. Сколько это стоит?

– Ну, «Сыщики» – это популярная картина. Стандартная цена у нас – тридцать девять долларов девяносто пять центов, но для вас, офицер⁸, я готов сделать скидку. Пятьдесят баксов.

Ничего не ответив, Босх достал деньги и расплатился.

– Мне нужен чек.

Когда сделка была завершена, маленький засунул коробку в коричневый бумажный мешок.

– А знаете, – сказал он, – Отличница Секса у нас есть в эпизодах. Если хотите, можете посмотреть.

– Посмотрю.

---

⁸ Принятое в США вежливое обращение к полицейскому, даже если тот не относится к офицерскому составу.

– Да, между прочим, под каким именем вас записать в заказе на это видео?

– Карло Пинци.

Так звали босса местной мафии.

– Очень забавно, мистер Пинци, – мы так и запишем.

Откинув занавеску, Босх прошел в находившиеся за ней задние комнаты. Там его сразу встретила женщина на высоких каблуках, в черной набедренной повязке и с прикрепленным к поясу автоматом для размена монет – больше на ней не было ничего. На больших силиконовых грудях едва выделялись удивительно маленькие соски. Крашенные светлые волосы были коротко подстрижены, вокруг остекленевших карих глаз виднелся чересчур густой слой косметики. На вид ей можно было дать и девятнадцать, и тридцать пять лет.

– Вам нужно свидание или просто разменять мелочь для видеобудки? – спросила она.

Вытащив свою изрядно похудевшую пачку денег, Босх разменял на четвертаки два доллара.

– А можно еще доллар мне? Я тут ничего не получаю, кроме чаевых.

Босх дал ей еще один доллар и с восемью четвертаками в руке направился к одной из маленьких занавешенных кабинок, над которой в этот момент не был зажжен сигнал «занято».

– Дайте мне знать, если что-нибудь понадобится! – крик-

нула ему вслед женщина в набедренной повязке.

То ли она обкурилась, то ли от природы была чересчур глупа, а может, и то и другое вместе, – в любом случае она не признала в нем копа. Отмахнувшись от нее, Босх задернул за собой занавеску. Помещение, в котором он сейчас находился, было не больше телефонной будки. За стеклянным окошком виднелся видеозэкран с двенадцатью названиями фильмов, из которых клиент мог выбирать то, что ему нравилось. Разумеется, все это были видеофильмы, хотя их по-прежнему называли «петлями» – в память о тех временах, когда склеенные в непрерывную ленту куски 16-миллиметровой пленки раз за разом крутились в первых смотровых устройствах.

Стула здесь не было, зато на маленькой полке стояла пепельница и лежала пачка «Клинекса». Использованные салфетки валялись на полу, в кабинке пахло промышленным дезинфицирующим средством вроде того, что используют коронеры. Босх бросил в щель автомата все восемь монет, и видео началось.

Две лежащие в постели женщины целовались и гладили друг друга. Уже через несколько секунд Босх понял, что ни одна из них не похожа на девицу с коробки. Он начал переключать каналы, перепрыгивая от одного совокупления к другому – гетеросексуальному, гомосексуальному, бисексуальному, – каждый раз задерживая свой взгляд ровно настолько, чтобы определить, есть ли на экране женщина, ко-

торию он ищет.

Она оказалась на девятой «петле». Босх узнал ее по изображению на коробке, которую купил. Увидев ее в движении, он еще раз убедился в том, что женщина, называвшая себя Отличницей Секса, и есть та самая блондинка в бетоне. На видео она лежала вверх лицом на какой-то кушетке и покусывала пальцы, тогда как пристроившийся у нее между ногами мужчина ритмично в нее входил.

Босх знал, что эта женщина умерла, умерла насильственной смертью, и сейчас, видя, как она подвергается другому виду насилия, он испытывал совершенно неожиданные для себя ощущения – его переполняли грусть и чувство вины. Как и большинство копов, он повидал на своем веку немало зла; к тому же Босх уже смотрел фильмы с участием двух других убитых Кукольником порноактрис. Тем не менее подобное беспокойство охватило его впервые.

На пленке актриса вытащила палец изо рта и начала громко стонать. Схватившись за регулятор, Босх убавил звук. Тем не менее он все еще ее слышал: стоны Отличницы сливались с криками, доносящимися из соседних кабинок – другие мужчины смотрели то же самое шоу. Мысль о том, что это видео по разным причинам кого-то интересует, вызвала у него дрожь.

Сзади неожиданно зашуршала занавеска, и он услышал, как кто-то вошел в кабинку. В тот же миг чья-то рука схватила его за бедро и потянулась к промежности. Босх рванул-

ся за пистолетом, но, повернувшись, увидел, что перед ним женщина, которая меняет деньги.

– Что я могу сделать для тебя, дорогой? – проворковала она.

Босх оттолкнул от себя ее руку:

– Можешь уйти отсюда.

– Ну давай, милый – зачем смотреть телевизор, когда ты можешь сделать это живьем? Двадцать баксов – больше я сбавить не могу. Приходится делиться с начальством.

Она уже вновь прижималась к нему, и Босх даже не мог сказать, от кого сейчас противнее воняет табаком. Ее твердые груди прижимались к его груди. Но тут она внезапно замерла на месте, почувствовав пистолет. Секунду они молча смотрели друг на друга.

– Все правильно, – сказал Босх. – Если не хочешь в клетку, то убирайся отсюда.

– Никаких проблем, офицер, – сказала она.

Отодвинув занавеску, она вышла вон. В этот момент на экране вновь появилось меню – два доллара уже кончились.

Уходя, Босх слышал, как изо всех кабинок доносятся притворно-страстные крики Отличницы Секса.

Глава 8

Двигаясь по шоссе, он пытался представить себе эту жизнь. Какую надежду она лелеяла – словно свечу под дождем, – когда вот так лежала на спине и невидящим взглядом смотрела на копошащегося на ней чужого мужчину? Надежда – это единственное, что у нее оставалось. Босх хорошо знал, что именно надежда заставляет сердце биться. Без нее нет ничего – одна пустота.

Он думал о том, каким образом могли пересечься пути убийцы и жертвы. Возможно, семя похоти и смертоносного желания заронила как раз та «петля», которую он сегодня увидел. Возможно, убийца брал напрокат то же самое видео, которое Босх только что купил за пятьдесят долларов. Были это Чёрч или кто-либо другой? Коробка, вспомнил Босх, и остановил машину на бульваре Ван-Найс, в Пакоиме.

Съехав на обочину, он достал коробку из коричневого бумажного мешочка, которым снабдил его маленький. Включив свет, он принялся внимательно изучать поверхность коробки, вчитываясь в каждое слово. Увы, здесь отсутствовал знак копирайта, который мог бы подсказать, когда выпущен фильм – до или после смерти Чёрча.

Затем Босх двинулся на север, в долину Санта-Кларита. Выбравшись на Букет-Каньон-роуд, поехал через жилые кварталы, мимо домов, выстроенных в традиционном ка-

лифорнийском стиле. На Дель-Прадо он остановился перед зданием, на котором виднелось объявление риелторской фирмы «Райхенбах реалти».

Сильвия уже больше года безуспешно пыталась продать этот дом. Босх всегда вспоминал об этом с чувством облегчения – ведь иначе ему пришлось бы решать, что им с Сильвией делать дальше.

Сильвия открыла дверь еще до того, как он успел подойти.

– Привет!

– Привет!

– У тебя еще остались дела?

– Так, есть кое-что по работе. Нужно будет сделать пару звонков. Ты поела?

Наклонившись, он поцеловал ее и вошел в дом. На Сильвии было серое платье, которое она любила носить дома, после работы. Распушенные волосы падали на плечи, на осветленных прядях играли отблески света, проникавшего из гостиной.

– Съела салат. А ты?

– Еще не ел. Я бы съел что-нибудь вроде сэндвича. Слушай, я очень извиняюсь. С этим судом, а теперь с этим новым делом... ну, ты понимаешь.

– Ничего страшного, я просто по тебе скучала. Прости, что я так разговаривала по телефону.

Она обняла его и поцеловала. С ней он чувствовал себя легко и непринужденно. И это было прекрасно – такое вот

ощущение. Раньше он никогда его не испытывал и иногда забывал о нем, когда находился от нее далеко. Но как только он возвращался к ней, возвращалось и это чувство.

Взяв Гарри за руку, она отвела его на кухню и, велев садиться, принялась готовить сэндвич. Поставив на плиту сковородку, она зажгла газ, потом положила на сковороду четыре куска бекона. Пока они жарились, Сильвия нарезала помидор вместе с авокадо и уложила их на листья салата. Встав, Босх достал из холодильника банку пива и поцеловал Сильвию в шею. И тут же отступил, раздраженный воспоминанием о том, как та женщина схватила его сегодня в кабинке. И надо же было этому случиться!

– Что такое?

– Да нет, ничего.

Она положила в тостер пару кусков хлеба с подсолнечным маслом и сняла бекон со сковородки. Через несколько минут она положила сэндвич на стол, а сама села рядом.

– Кому ты должен позвонить?

– Джерри Эдгару и, возможно, одному парню из полиции нравов.

– Ого! Она что, снималась в порно, эта новая жертва?

Когда-то Сильвия была замужем за копом и теперь сама мыслила, как коп. Босху это в ней нравилось.

– Думаю, что да. На нее есть одна зацепка. Но у меня суд, поэтому мне придется им ее отдать.

Она кивнула. Ее не нужно было просить не задавать слиш-

ком много вопросов – она всегда знала, когда нужно остановиться.

– Как дела в школе?

– Прекрасно. Ты ешь, ешь. Побыстрее сделай свои звонки, потому что я хочу, чтобы мы забыли о суде, школе и твоём расследовании. Давай откроем вино, зажжем свечи и ляжем в постель.

Он улыбнулся в ответ.

Свечи всегда служили у нее сигналом к тому, чтобы заняться любовью. Босх вдруг понял, что сам никогда никаких сигналов не подавал – почти всегда инициативу проявляла она. Его беспокоило то, что их отношения, возможно, базируются исключительно на тайнах и фигурах умолчания. Босх надеялся, что это все же не так.

– Ты уверен, что все в порядке? – спросила она. – Ты выглядишь подавленным.

– Все хорошо. И сэндвич очень вкусный. Спасибо.

– Сегодня звонила Пенни. Два человека заинтересовались покупкой, так что она собирается в воскресенье показать им дом.

Все еще продолжая есть, он молча кивнул.

– Может быть, мы можем куда-нибудь уйти на день? Не хочу быть здесь, когда она будет их водить по дому. Мы даже можем уехать в субботу и где-нибудь переночевать. Тогда ты сможешь передохнуть от всего этого. Мне кажется, «Одинокая сосна» вполне подойдет.

– Звучит неплохо. Но давай сначала узнаем, что происходит.

Когда она ушла в спальню, Босх позвонил в бюро. Трубку взял Эдгар.

– Ну, я насчет той штуки, которую показывали по телевизору, – изменив голос, сказал Босх. – Той, у которой нет имени.

– Вы можете нам помочь?

– Конечно.

Чтобы сдержать смех, Босх прикрыл рот рукой. Только сейчас он понял, что не продумал свою линию поведения, и теперь лихорадочно пытался что-нибудь изобрести на ходу.

– Ну и кто же это, сэр? – нетерпеливо спросил Эдгар.

– Это... это...

– Это кто?

– Зануда Паундз!

Босх расхохотался, и Эдгар легко догадался, кто с ним говорит. Шутка получилась глупой и даже не слишком смешной, но оба тем не менее засмеялись.

– Чего ты хочешь, Босх?

Отсмеявшись, он наконец сказал:

– Просто решил проведать. Ты звонил Рэю Море?

– Не-а, я позвонил в «нравы», и там сказали, что он сегодня вечером не работает. Собираюсь поговорить с ним завтра. А у тебя как дела?

– Думаю, я узнал ее имя. Я позвоню Море домой, чтобы

он сразу вытащил все, что они на нее имеют.

Назвав Эдгару имя жертвы, он услышал в ответ его смех:

– Что ж, по крайней мере, это оригинально. А откуда... с чего ты взял, что это она?

Босх понизил голос, чтобы его не было слышно в спальне.

– Я видел «петлю», и потом, у меня есть коробка от видео с ее изображением. Там она похожа на то гипсовое лицо, что у тебя есть. Парик немного не тот, но я все же думаю, что это она. Коробку я завезу тебе завтра по дороге в суд.

– Отлично.

– Может быть, Мора сможет пораньше выяснить для тебя ее настоящее имя и найти отпечатки пальцев. Возможно, у нее была лицензия на развлечения для взрослых. Ничего, если я ему позвоню?

– Нормально. Ты же его знаешь.

Разговор окончился. У Босха не было домашнего телефона Мора, поэтому он позвонил в детективную службу, назвал свое имя и номер удостоверения и попросил, чтобы его соединили. Это заняло около пяти минут, и после третьего гудка Мора снял трубку. Дышал он как-то учащенно.

– Это Босх. У тебя есть минутка?

– А, Босх! Что случилось, парень?

– Как твой бизнес?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.